

СВОБОДНОЕ СЛОВО

КАРПАТСКОЙ РУСИ

№ 1-6 (49-54).

1963

Год издания V-ый

*РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБОР В ВАРШАВЕ,
РАЗРУШЕННЫЙ ПОЛЬСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ В 1923 г.*

СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ

FREE WORD CARPATHO-RUSSIAN MONTHLY

P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U. S. A.

1963

№ 1-6 (49-54) Год издания V-ый

...Накануне отъезда в Америку, мой покойный отец, Талергофский мученик за Русь и православие, сказал мне на прощание: „Съгне, як только ступишь с корабля на Американскую землю, первые твои шаги да будут в русскую православную церковь, а помолившись и поблагодарив Бога за счастливое путешествие, зайди в Русскую Православную Миссию и предложи свои услуги русскому православному народу и Русской Православной Церкви!“

Этот отцовский завет я свято сохраняю до сегодня.

И. Н. Белоус

От редакции: Эти слова принадлежат покойному И. Н. Белоусу, воспитаннику Ставропигийского Института во Львове и ученику известного русского мифолога — Ильи Ивановича Терех.

Считая эти строки ценными, редакция нашла нужным поместить их, как отклик вечно живой, неумирающей души Святой Руси.

Я не ответственен за успех или неуспех какого-либо дела, но я ответственен за мою деятельность и усилия в этом деле.

Сократ

Неправильно говорить, что коммунист верит в коммунизм. Коммунизм не есть теория, в которую люди веруют; коммунизм — это заговор, в котором они участвуют.

Проф. Ревило П. Оливер

Мы ненавидим христианство и Христа. Даже лучшие из христиан должны рассматриваться нами как наши злейшие враги. Они проповедуют любовь и милосердие к ближнему. Мы желаем — ненависть. Мы должны уметь ненавидеть! Только этой ценой может быть достигнуто завоевание вселенной!

Луначарский (член Ц. К. К. П. С. С. и нарком просвещения СССР)

Государь император Николай Второй сказал по адресу окружавших его людей следующие слова: кругом измена, трусость и обман!

Принимается подписка на журналы:

„ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ“

Журнал выходит два раза в месяц. Задача его — блюсти заветы Святой Руси.

„ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ“

Ежемесячное приложение к „Православной Руси“. Этот журнал по преимуществу заполнен материалом легко читаемым, литературным, в доступной форме вводящим читателя в сущность православной жизни,

„ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЬ“

Ежегодное приложение к „Православной Руси“.

“ORTHODOX LIFE”

A bi-monthly magazine devoted entirely to the Treasures of the Teachings of the Holy Apostolic Orthodox Catholic Church, primarily in accordance with the Russian tradition.

Этот журнал на английском языке является тоже приложением к „Православной Руси“. Подписная плата на „Православную Русь“ с приложением „Православная Жизнь“ —

6 долларов в год.

Желающие получать английское приложение доплачивают один доллар. Столько же доплачивают те, кто хотят получать и „Православный Путь“.

Лица, не состоящие подписчиками „Православной Руси“, могут подписаться отдельно на „Православную Жизнь“, уплачивая

3 дол. в год, и на

“ORTHODOX LIFE”

3 дол. в год, и на

В Свято-Троицком Монастыре имеется большой запас книг на духовные темы (богослужебные книги, Священное Писание, апологические, духовно-нравственные и т. п. книги.)

Требуется подробные каталоги.

Журналы и каталоги выписывать по адресу: Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., USA.

РАЗРУШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО СОБОРА В ВАРШАВЕ

Пий XI и любвеобильный Иоанн XXIII

В связи с шумихой и пропагандой, поднятых по поводу второго ватиканского собора, единственным результатом которого пока только возвышение авторитета римского папы во всем мире и новое оружие в руках римской пропаганды, — будет нам, русским, полезно вспомнить о том, как поступала римо-католическая церковь совсем недавно, на наших глазах, с русским православным народом и его церковью в римо-католической Польше и римокатолической Чехословакии, а также с православной сербской церковью в Хорватии, которую создали Гитлер и Муссолини во время второй мировой войны.

О всех гонениях, которым подвергалась русская православная церковь в мирное время в Польше и Карпатской Руси и сербская православная церковь в Югославии во время второй мировой войны, римокатолическая церковь не только знала, но она участвовала в этих гонениях, подстрекая правительства к преследованию православных и одобряя эти преследования.

Начались гонения в Польше сразу после того, как туда был послан в 1918 г. монсиньор Ратти в качестве представителя папы Бенедикта XV. Монсиньор Ратти был впоследствии произведен в нунции и как видно из римо-католических официальных источников, кардинал Ратти, впоследствии избранный папою под именем Пия XI, председательствовал в течение нескольких лет на всех епископских соборах римокатолической церкви в Польше. Под председательством Ратти их было одиннадцать. В то время было решено разрушить русский православный собор в Варшаве и начать самую беспощадную войну против православной русской церкви.

Разрушение собора было произведено в 1923 году. Кроме собора впоследствии были разрушены сотни храмов по всей Польше — в бывшем Юго-Западном русском крае и Белой Руси. Тогда при Пие XI (А. Ратти), который чрезвычайно интересовался Польшей, так что поляки, не без основания, называли его, — по свидетельству римских источников — „польским папой” были разрушены, в один только последний год существования Польши, сто четырнадцать храмов в Холмщине.

Гонения эти: разрушения церквей, превращения их в костелы, закрытие их, изгнания законных епископов и других русских православных людей из пределов Польши, происходили во все время царствования Пия XI. Чрезвычайно показательно то, что когда глава ка-

толической церкви в Польше — кардинал Гльонд — приехал к папе Пию XI в Рим с польскими паломниками, папа в речи, обращенной к ним, сказал, что он благодарит поляков за все то, что они сделали для распространения „истинной веры Христовой” (католичества) в Польше, но что работа их не будет законченной до тех пор, пока в Польше останется хоть один неримокатолик.

Разрушение собора является особенно при- скорбным фактом, которым запятнали себя поляки. Этот вандализм интересен и тем, что в той же Варшаве находится до сих пор римокатолический собор в память русского императора Александра 1-го. Собор этот, снимок которого мы помещаем в этом номере, взят из официальной римо-католической энциклопедии, изданной в Нью Йорке. Он был построен и украшен внутри целиком на средства, данные Александром I-ым. Маршал Пилсудский, диктатор Польши, пользовался этим храмом для своих патриотических польских манифестаций.

Перед первой мировой войной у римокатоликов-поляков в Петрограде был громадный собор в самом центре Невского Проспекта, в самом дорогом месте русской столицы. Этот собор находился на таком же месте, как в Нью Йорке римокатолический собор св. Патрика (на Пятом Авеню). Кроме собора у римской церкви были в Петрограде и другие недвижимые имущества. Вот что об этом говорит А. Около-Кулак, секретарь архиепископа барона Роппа, последнего главы римо-католической церкви в России:

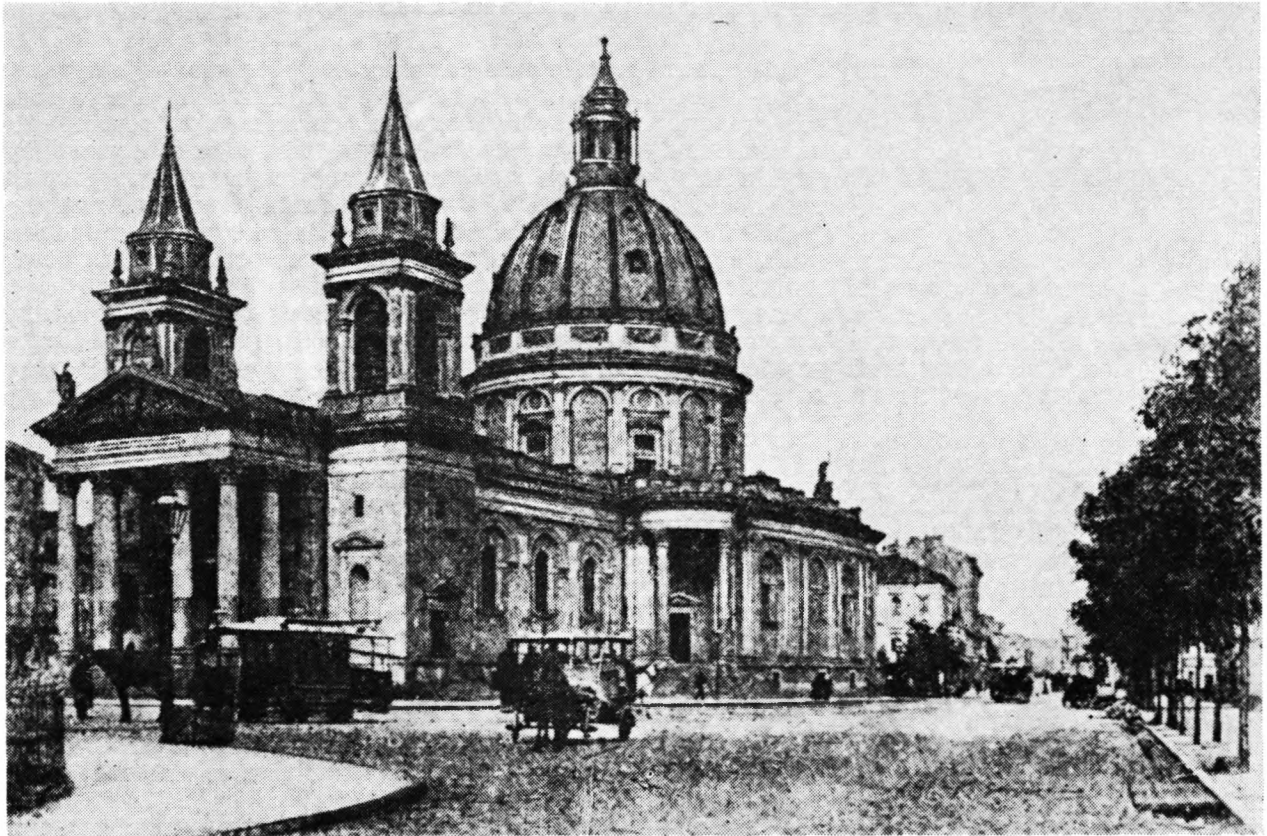
„Достаточно указать для определения размеров понесенных потерь, что одни дома католической церкви св. Екатерины в С.-Петербурге, с относящимися к ним площадям и земли, оценивались до войны в тридцать миллионов рублей золотом и давали возможность содержать великолепно устроенные, образцовые гимназии — мужскую и женскую, профессиональную школу и несколько начальных школ, в которых обучались тысячи католических детей”.

Др. А. Колпинский „Начало католицизма восточного обряда в России”

(Познань 1932, стр. 24, на польском яз.)

И это было в Петрограде, где католиков было четыре процента, а православных девяносто процентов, в то время, как в Варшаве римокатоликов было 65 процентов, а православных русских во всей Польше, даже по официальной статистике, четыре миллиона.

Невзирая на это, в Петрограде никто не трогал римокатоликов, никто не разрушал их

РИМОКАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЕЛ СВ. АЛЕКСАНДРА В ВАРШАВЕ

костелов, которых было несколько. И не только то: землю для первого римокатолического костела в Петрограде дала римокатоликам императрица Екатерина Вторая. Впоследствии, по распоряжению русских императоров, все римокатолическое церковное имущество в Петрограде: их костелы, собор и другие дома, здания школ, были освобождены от каких бы то ни было налогов.

Также и в Царском Селе, находящемся в тридцати верстах от Петрограда, где обыкновенно жили государи со своими семьями, был римокатолический костел, построенный на деньги русского императора. Но обо всем этом римо-католические поляки во главе с Пилсудским забыли, когда они решили разрушить православный собор в Варшаве.

Разрушение собора поляки мотивировали двойкою. Одна причина состояла в том, что, мол, стиль, в котором построен собор, не укладывался в стиль Варшавы, а другая причина была

та, (как это написано даже у краковского профессора Розе, который после того, как Польша была захвачена немцами, был профессором в Лондоне), что собор напоминал полякам о русском рабстве. Необходимо еще раз отметить, что решение разрушить собор было принято польским правительством в то время, когда представителем Ватикана в Варшаве был монсеньор Ратти, ставший впоследствии папой Пием XI. Причем собор был разрушен не толпой, а правительством, по закону, проведенному через сейм. Сеймом же была ассигнована крупная сумма (несколько миллионов золотых) денег на работы по разборке собора. Так как собор был построен очень основательно, то работы по его разрушению шли медленно и в Варшаве многие в этом видели плохое для поляков предназначение, а именно, что Россия еще вернется. По этому правительством дано распоряжение военному министерству взорвать собор динамитом. При первом взрыве потрескались все дома, окружавшие площадь, на кото-

рой стоял собор, а собор остался стоять. Пришлось его взрывать вторично.

Надо отметить еще один факт. Когда стало известным, что поляки решили взорвать собор, в Белград приехал сын православного протоиерея из Берестья, студент православной духовной академии в Варшаве, чтобы собрать подписи сербских владык на обращение к папскому нунцию с просьбой пощадить собор. Это обращение было подписано всеми сербскими епископами, находившимися в то время в Белграде, между прочим, также епископом Досифеем, который в то время возглавлял православную церковь в Карпатской Руси. На это обращение не последовало никакого ответа. При этом случае сын протоиерея рассказал нам в Белграде о порядках в православной духовной академии в Варшаве. Всем студентам академии было запрещено говорить по-русски не только в классах, но и в общежитии. Преподавание шло на польском языке.

Желая отметить заслуги кардинала Ратти в деле травли православных русских людей и уничтожения их святынь, Пилсудский наградил его орденом Белого Орла.

Вот что сообщает об этом К. Н. Николаев в своей книге „Восточный обряд“:

— 13 января 1922 г. Иосиф Пилсудский награждал кардинала А. Ратти высшим польским орденом Белого Орла.

20 февраля 1922 г. папа (в то время А. Ратти уже был избран папою. — М. Т.) благодарит личным письмом А. Пониковского (преьера и министра исповеданий. — М. Т.), в котором, между прочим, пишет:

„С удовольствием принимаем эти отличия и мы особенно тронуты новым доказательством благоприятного расположения, каким И. Пилсудский пожелал нас одарить. Это еще больше усилит нашу привязанность к Польше, которая уже и так дорога нашему сердцу“.

К. Н. Николаев „Восточный обряд“ (стр. 91-92)

**

Желая привлечь в лоно „истинной Христовой церкви“ православных, со стороны римо-католиков и в особенности самого покойного папы Иоанна XXIII, повторялось многократно, что в настоящее время необходимо забыть все прежние взаимные обиды.

Грекам очень трудно, даже невозможно забыть то, что гибель православия (т. е. всего христианства) в Малой Азии (Византии) была прямым последствием захвата и разгрома Константинополя четвертым папским крестовым походом. И если можно говорить о том, что это произошло очень давно, несколько столетий тому назад и что поэтому пора забыть об этом, то этого никак нельзя сказать об ужасах, ко-

торые творила римская церковь на наших глазах в свободной Польше, между двумя мировыми войнами, и в Югославии во время Павлича и архиепископа Степинца.

И по сей день находятся в живых сотни тысяч православных русских и сербов, которые пережили эти ужасы. Но папский Рим до сих пор не сделал совершенно ничего для того, чтобы хотя бы кое как загладить свою вину и хоть частично возместить убытки причиненные им русской и сербской православным церквям, как это сделало и все еще продолжает делать германское правительство, вознаграждая не только евреев но и лиц других национальностей, пострадавших от гитлеровских зверств.

Одних слов о „христианской любви и справедливости“ мало.

А. Геровский

И. Новгород-Северский

ТРИ РАЗБОЙНИКА

— „...Глас испустил разбойник...“
(Великий Пяток, антифон).

На кресте молил Тебя разбойник:
— „Помяни во Царствии Твоем!“ —
Вот и я зываю недостойный,
Мы с ним грабили вдвоем.

Но и третий, так Тебя хуливший,
Наш собрат... Помилуй и его.
Ты и грешников любивший,
Не гневися на него:
Мы втроем Тебе поем: —
— „Помяни нас в Царствии Твоем!“ —

**

И. Новгород-Северский

ВСЕГДА ГОСПОДНИ

— „...Ибо никто из нас не живет для себя и никто не умирает для себя...“ —
(Апостол Павел. Послание к Римлянам: гл. 14, ст. 7).

Мы все
Живем не для себя,
Не для себя и умираем.
Живем — для Господа живем...
Не для него-ль и умираем?

Всегда, и завтра, и сегодня, —
Живем иль умираем мы, —
Наш дух для света,
Не для тьмы —
Мы во Христе,
Всегда Господни!

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ НЕМЕЦКОГО „МИРОВОГО ЦЕРКОВНОГО ЛЕКСИКОНА“.

Интересуясь всем что пишут иностранцы о православной церкви, мы только что просмотрели вышедший недавно в Германии объемистый „Всемирный Церковный Лексикон“. Книга эта издана по инициативе организации „Германского Евангелического Церковного Дня“. В предисловии этой книги сказано, что ее цель — заинтересовать всех экуменическим движением. т. е. движением в пользу объединения христианских церквей, и дать им „солидные знания“.

В большинстве случаев, многое из того, что печатается в настоящее время в иноязычных книгах и в повременной печати о православной церкви и, в особенности, о русском православии, даже в протестантских изданиях, авторы которых никак не враждебны православию, не соответствует фактам и искажено в ущерб православию. Нередко в протестантских сочинениях, объемлющих также и римскую церковь, указаны в предисловии имена римокатолических богословов, дававших советы при составлении глав касающихся римского католицизма. В таких случаях не трудно догадаться, откуда взялись искажения фактов и выпады против православия. Ведь писать об истории или о современной деятельности римской церкви невозможно не касаясь ее взаимоотношений с православным востоком. И тут-то римским богословам, приглашенным помогать своими советами при составлении книги, легко проводить свои взгляды и искажать факты в ущерб ненавистным православным „схизматикам“.

В виду этого мы, взяв в руки немецкий протестантский „Всемирный Церковный Лексикон“, были почти уверены в том что и в нем, как и в некоторых других протестантских изданиях, православие будет представлено в искаженном виде. Но, взглянув на заглавный лист, мы воспрянули духом. На нем мы увидели список восьми ученых богословов, дававших советы при составлении лексикона. На первом месте красовалась напечатанная крупными буквами фамилия православного русского священника о. Георгия Фроловского, бывшего начальника Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью Йорке, нынешнего профессора истории восточных церквей в Харвардском университете. Все остальные советники — протестанты, среди них такие светила протестантского богословия как Рейнголд Нибур и Кеннет Скотт Латуретт, и ни одного римского католика; В дальнейшем мы прочли, что профессор Фроловский был не только советчиком, но и сотрудником издания и что он „говорит

от имени православной церкви.“ Казалось, что не могло быть никакого сомнения в том, что православие не будет представлено в ложном свете и что существенные факты не будут пропущены или искажены в угоду римской пропаганде.

Но, как это ни странно, случилось именно то, чего никак нельзя было ожидать: все, касающееся православия и православной церкви написано именно так, как будто все было продиктовано римской пропагандой. Приведем несколько примеров в виде выдержек из статей о православных странах, об унии и об украинстве.

ЮГОСЛАВИЯ

Югославии в Лексиконе отведено только на несколько строчек больше места чем биографии о. Фроловского. Истории сербской православной Церкви посвящены 37 строчек. О том, что произошло в церковной жизни югословян в двадцатом столетии, повествуют всего лишь одиннадцать строчек. Вот их дословный перевод:

„Во время войны церкви сильно пострадали. 27-го мая 1953-го года был объявлен закон о правовом положении религиозных общин, имеющий целью обеспечить свободу совести, богослужений, преподавания закона Божия и т. д., при отделении Церкви от государства. Церкви получили пособия для своих изданий, для сохранения исторических построек и т. д. Кроме того духовенство православной и некоторых других Церквей было включено в государственное социальное обеспечение“.

Итак: „во время войны церкви сильно пострадали“. Значит — пострадали все церкви, в том числе и римская. Между тем римская церковь ничуть не пострадала. Напротив, находясь под защитой Гитлера в выкроенной им из Югославии „Независимой Державе Хорватской“, объявленной римокатолическим государством, хотя в нем было всего лишь 60 процентов римокатоликов, Рим, не брезгая никакими средствами, принялся за искоренение всего православного населения. В течение четырех лет войны, с апреля 1941-го по апрель 1945-го года были зверски убиты сотни тысяч православных сербов включая женщин и детей, были вырезаны целые селения, были осквернены и разрушены сотни православных храмов, были зверски замучены сотни православных священников, в том числе и четыре

епископа. Все это делалось римокатолическими организациями, Католической Акцией, члены правления которой назначались главой римской церкви — архиепископом Степинцем, и римской фашистской организацией „Усташей“, в уставе которой было сказано, что она основывается „на принципах римокатолической церкви“. Эта организация была возглавлена Павеличем, которому папа Пий XII неуклонно и демонстративно в течение всей войны высказывал свое благоволение. В зверствах чинимых над православными и даже в убийствах, а также в осквернении и разрушении православных храмов, принимали деятельное участие римские священники, в особенности члены ордена францисканов. Все это — бесспорные факты. И все это прикрито в статье о Югославии одной строчкой: „Во время войны церкви сильно пострадали“. Тенденция замолчать римские преступления тут очевидна.

Отделавшись таким образом от „неприятного“ эпизода, автор статьи сообщает своим читателям, что в 1953-м году „духовенство православной и некоторых других церквей было включено в государственное социальное обеспечение“.

Здесь опять очевидна тенденция автора бросить тень на православную церковь, духовенство которой, мол, получает от коммунистического правительства социальное обеспечение наряду с „некоторыми другими церквями“. Римская церковь и здесь не упомянута, хотя она по своему численному составу, (35%) стоит на втором месте после православной. Фраза „духовенство православной и некоторых других церквей включено в государственное социальное страхование“, не может быть истолкована иначе как утверждение, что духовенство не всех церквей в коммунистической Югославии страхуется государством. Между тем югославянское коммунистическое правительство предоставило своим законом равные права духовенству всех вероисповедований, в том числе и римокатолическому духовенству.

Статья о Югославии заканчивается следующей фразой:

„Православная Церковь имеет богословский факультет в Белграде и, кроме того, духовные семинарии в Белграде и в Призрене, в которых около 500 студентов“.

О том, что и римокатолическая Церковь в Югославии имеет свои высшие и средние духовные училища, не сказано ни слова.

Прочитав статью о Югославии, каждый читатель, неосведомленный подробно о югославянских делах, должен неминуемо вынести впечатление, что во время последней войны все церкви, в том числе и римская, „сильно

пострадали“ и что в послевоенной коммунистической Югославии православная Церковь пользуется преимуществами, которых римская Церковь лишена.

Особенного внимания заслуживает то, что написано в Лексиконе об унии и о православии. В статье о Югославии уния вообще не упоминается, хотя там, в ее северо-западной части, австрийскими властями уния распространялась насильственно в XVI, XVII и XVIII столетиях. Принимать унию заставляли сербов, бежавших из под турецкого ига в австрийскую Хорватию и Славонию тем, что им угрожали, в случае если они не подчинятся папе, высылкой обратно в Турцию. Вследствие этого несколько десятков тысяч православных сербов, беженцев из Турции, согласились принять унию. Это событие было торжественно отпраздновано в городе Печуе, в иезуитском соборе, с участием войск, военной музыки и при выстрелах из орудий. Впоследствии большинство этих сербов вернулись в православие потому, что австрийское правительство перестало нажимать на них, так как они были нужны для войны против Турции. Но некоторая часть из них все-же осталась под властью папы и эти сербы впоследствии не только забыли о православии, но забыли даже о своей национальности и превратились в хорватов, ненавидящих не только православие, но и сербов. Из этой среды вышел, между прочим, последний епископ Крижевацкий, который во время второй мировой войны, при Степинце, играл видную роль в зверском преследовании сербов.

РУМЫНИЯ

Православной Румынии уделено столько же места как и Югославии: один столбец. Интересно отметить фразу:

„После поселения мадьяр в Трансильвании, румыны были лишены всех прав и им пришлось вести очень беспокойную религиозную жизнь.“

Как понять эту фразу? Кто „беспокоил“ религиозную жизнь румын, или что их „беспокоило“?

Затем следует предложение:

„Будучи подвержены кальвинским и римокатолическим „влияниям“, часть трансильванских румын решила принять унию с Римом в 1700 году“.

Автор замалчивает какие это были „влияния“, хотя, дабы снабдить читателя, интересующегося экуменическим движением „солидными познаниями“, — следовало объяснить, какого рода „влияния“ заставили православных румын подчиниться Риму. Упомянем только вкратце то, что произошло непосредственно

перед тем, как часть православных румын решила поддаться папе.

В 1643-м году власти низложили православного митрополита Илию и... приказали выпороть его розгами публично, по голому заду, на главной площади. Его наследника, митрополита Саву Бранковича, серба, заключили в тюрьму, невзирая на его преклонный возраст. Он умер в тюрьме в том же 1680-м году. Его наследник, митрополит Феофил, не видел другого выхода, как принять предложение иезуитов подчиниться папе, получив обещание, что в таком случае румыны-униаты будут уравнены в правах с римокатоликами. Уния с Римом была объявлена императорским „патентом” в 1699-м году, а в следующем 1700-м году созданным митрополитом Афанасием собором, при участии духовенства.

Но большинство румын не приняло унии и это большинство продолжало подвергаться жесточайшему преследованию со стороны габсбургского правительства и Рима. Православные румыны остались без епископов и им не хватало священников, так как некому их было рукополагать. Кандидатам в православные священники было запрещено рукополагаться в соседней Православной Валахии и Молдавии, и даже сербскому патриарху в Сремских Карловцах, в той же габсбургской империи, было запрещено рукополагать священников для румын. Иеромонаха отшельника Виссариона, которого патриарх послал к румунам в Трансильванию, дабы он ободрил их, габсбургское правительство изгнало из Трансильвании.

После этого из Вены был прислан императорский „патент”, приказывающий властям „распространять унию”, недопускать в Трансильванию православных священников, и карать тех из униатских священников, которые возвращаются в православие.

Обо всем этом в Лексиконе нет ни слова. Автор молча перепрыгивает через 163 года, и дает своим читателям следующее „солидное знание”:

„Только в XIX столетии удалось митрополиту Андрею Шагуна дать православной церкви в Трансильвании солидную организацию”. Вот и все.

Каково было положение православных румын в конце XVIII ст. под „апостольскими” габсбургскими императорами, видно из прошения, которое румыны из Быстрицы подали будапештскому сербскому епископу Новаковичу, приехавшему с разрешения императрицы Марии Терезы в 1762 году в Трансильванию. Разрешение произвести каноническую визитацию сербский епископ получил, но с предупреждением, что об уравнение в правах православных

румын с униатами не может быть и речи.

Вот выдержка из этого прошения, взятая нами из книги Ситона Уатсона, профессора Лондонского университета и общепризнанного лучшего английского знатока истории балканских народов.

„Нас уничтожают телесно и духовно. Мы умираем без исповеди и без причастия, как животные. Если вы не сжалитесь над нами и не принесете нам помощь и утешение, то мы не вернемся домой, где нас ожидает арест и наказание, но мы уйдем в другие страны, где сможем жить в мире и соблюдать нашу веру, ибо мы твердо решили лучше умереть, чем принять унию”.

В конце XVIII столетия румыны восстали совместно с русскими, о чем имеются интересные документы в австрийских архивах, в которых это восстание называется „тумултус”, т. е. „восстание русских и валахов”.

Обо всем этом статья о Румынии молчит. И у читателя должно получиться впечатление, что румыны в Трансильвании отдались папе добровольно под „влиянием” своих кальвинских и римо католических соседей.

Что после второй мировой войны румынских униатов в Трансильвании возвратили в православную церковь „при помощи государственных (коммунистических) органов”, в статье упоминается, но о том, что габсбургские „государственные органы” преследовали трансильванских православных румын, не сказано ни слова.

Мы тут упоминали о лондонском профессоре Ситоне Уатсоне, который написал объемистую книгу об истории румын на английском языке. Это самая полная и серьезная история румын, в которой, чрезвычайно подробно, с указанием источников, рассказана история румынской православной церкви. В конце статьи о Румынии в Лексиконе указаны источники, которыми будто бы пользовался автор, но главная и самая полная книга об истории румын проф. Уатсона там не указана.

ПОЛЬША

Для осведомления лиц, интересующихся взаимоотношениями между православием и римским католичеством, чрезвычайно важно иметь понятие о русско-польских отношениях, в особенности о том, как Рим старался в течение многих столетий использовать Польшу для распространения своей „единоспасительной” веры, и для подчинения всего русского православного востока папе. Каждый человек, интересующийся объединением христианских церквей, должен знать и твердо помнить, что в многовековой борьбе римокатолической Польши против православной Руси, Польша была наступающей стороной, ска была, согласно

нынешней терминологии, „агрессором”, а православная Русь защищалась и старалась возратить отобранное у нее польскою силою.

Всякий человек, интересующийся экуменическим движением, должен знать и помнить, что всего лишь в ста километрах на восток от Варшавы начинается русская этническая территория с православным населением, что до первого раздела Польши, две трети ее территории не были населены поляками, и что даже в новой Польше, созданной в итоге первой мировой войны, вся ее восточная половина была этнически русская.

Каждому „экуменисту” необходимо знать и помнить, что православная Русь, в течение всей многовековой римо-польской борьбы против православной церкви, не превратила и не стремилась превратить ни единого римокатолического поляка в православного русича, но что польско-римские агрессоры в течение многих столетий, не разбирая в средствах, стремились окатоличить Русь.

Каждый „экуменист” должен знать и помнить, что „Брестская уния” 1596 года была результатом обмана и подкупа нескольких негодных православных епископов, и что народ этой унии никогда не принимал, о чем свидетельствуют бесчисленные кровавые восстания и войны, что воссоединение с православием бывших русских униатов в XIX столетии в освобожденных от Польши областях, соответствовало желанию подавляющего большинства русского населения.

Римская агрессия против православной русской церкви продолжается по нынешний день, как об этом свидетельствует хотя бы разрушение в течение трех недель 114 православных храмов в Польше в 1938-ом году.

Все это должен знать и помнить каждый „экуменист”, дабы осознать трудности соединения православной церкви с римской, в добавок к догматическим расхождениям.

Но обо всем этом нет ни единого слова в статье о Польше. Она почти вся посвящена истории протестантизма в Польше, интересной только с чисто-исторической точки зрения.

Вот что сказано о русско-польских отношениях в статье о Польше:

„В пределах Великого Княжества Литовского было много белорусских и украинских православных славян, которые образовали сперва самостоятельную церковь, но были в 1596-ом году соединены с Римом соглашением Брест-Литовским”.

„Польские протестанты старались войти в соприкосновение с православными. Протестантов вытеснили из общественной жизни. Они опирались на протестантские государства (Швецию и Пруссию). Право-

славные, которых тоже притесняли, находили помощь в Москве”.

„После 1945 года... остались в восточных пределах Польши около 400.000 православных”.

Вот и вся история православных в Польше и об отношениях между Римом и православным русским востоком в течение последних 600 лет, включая и наш двадцатый век! Действительно удивительно „солидные познания”.

РОССИЯ

Странно то, что написано во „Всемирном Церковном Лексиконе” о Югославии, о Румынии, и о Польше. Но еще гораздо более удивительно то, что написано в статье о России или, вернее, о православии в России.

Автор статьи о России не скрывает своего снисходительного или презрительного отношения к России и русскому православию. России в Лексиконе отведены три столбца с лишним. Оказывается, что в 862 г. „чужие варяжские наемники из племени „Рус”, которые занимались транспортом товаров по Неве, Ловати и Днепру, попали в Константинополе в собор св. Софии на богослужение, произведшее на них такое впечатление, что они не знали, на небесах ли они или на земле”. Вот так началось христианство в России. В дальнейшем он пишет, говоря о русских, что „литургия превратилась у этих набожных людей в постоянно повторяющуюся феофанию”. Греческий иконостас вырос у русских „в многоэтажную постройку”. Не нравится автору также и то, что в русском православном богослужении слишком часто произносятся слова „Господи помилуй”. В своих молитвах русским „кажется что они не в состоянии удовлетворить своими молитвами **возвышенного Бога**” и поэтому они постоянно умоляют Его о помиловании. Русские монастыри „соединяют земную жизнь с миром ангелов”, и т. д.

Затем читателям подаются следующие „солидные знания” об унии с Римом. В 1437 году грек Исидор сделался митрополитом московским. В 1439 г. он подписал во Флоренции унию с Римом. Когда он вернулся в марте 1441 г. в Москву, он был арестован. Но все же флорентийский декрет об „унии” возымел свои исторические последствия у восточных славян”. При помощи православного дворянства польско-литовского государства была осуществлена Брестская уния в 1596 году. „Разделы Польши втянули ее униатские территории частично в царскую империю”, которая под впечатлением польского восстания 1830 года „разбила унию”. „В 1839 г. три епископа и 1300 священников

присоединились к „религии царя”. В 1875 году произошла „полицейская акция в Холмщине”. „Русская оккупация Галиции в ноябре 1914 г. делала возможной пропаганду возвращения”. „Этот процесс был закончен после присоединения этих униатских территорий к Советскому Союзу в 1944-45 г.”

Нет ни слова о том что, когда заключалась уния в Берестье в 1596 г., приехавший из Константинополя греческий епископ, представитель вселенского патриарха, был объявлен шпионом и заключен в тюрьму. Нет также ни слова о том, что православное население Польши в своей массе не приняло и не принимало унии в течение столетий. Ни слова о народных восстаниях и о казачьих войнах в защиту православия. Не сказано также ни слова о том, что самая западная часть Руси, вся Червоная, Галицкая Русь, известная впоследствии под названием Галиции, целиком, во главе со своими епископами, львовским митрополитом, еще полных сто лет, до конца XVII ст. отстаивала свое православие и что галичане только сто лет после „Брестской” унии, вследствие жесточайших преследований, официально, но не по своему убеждению, подчинились и приняли унию.

В итоге „солидных знаний”, преподносимых во „Всемирном Церковном Лексиконе”, читатель должен вынести впечатление, что уния принималась русским народом добровольно и что униаты возвращались в православие — („перешли в религию царя”) — только под гнетом православной „царской России”, политику которой продолжает Советское правительство.

УНИЯ

В статье о Польше сказано об унии только то, что в 1596 г. удалось при помощи православного дворянства в Польско-Литовском государстве, желавшего уравниваться в правах с польской шляхтой, заключить так называемую Брестскую унию. Это неверно, потому, что главную роль в этом сыграли не православные дворяне, желавшие сравниться в правах с польской шляхтой, но православные епископы во главе с православным митрополитом Киевским, которые предали Церковь, дабы уравниваться в правах с римокатолическими епископами и заседать с ними в польском сенате. Что касается дворянства, то очень многие дворяне, во главе с князем Островским, всеми силами боролись против унии и не приняли ее. Следовало указать на то, что подавляющее большинство православного населения в Польше унии никогда не принимало и что народ боролся в течение столетий против унии за пра-

вославие. Затем в той же статье о Польше сказано, что вследствие раздела Польши, часть польских территорий, населенных униатами, попала под владение царской России, которая „разбила унию”. Опять так не сказано ни слова о том, что возвращение в православие совпадало с желанием православного населения. И совершенно не упоминается о том, что такое желание было и у униатского населения так называемой Галиции, о котором сказано, что только в той части Польши, которая досталась Австрии, удалось сохранить унию.

Автору статьи о Польше следовало бы знать, что даже иезуитский профессор Амман, написал в своей толстой книге о православии в восточной Европе, что еще в 80-ых годах прошлого столетия, значит, незадолго до конца Австрии, „Святой Юр”, т. е., все возглавление униатской церкви во Львове во главе с митрополитом и всеми его советниками, были руссофилы и считали себя родственными русскому народу. И тот же Амман пишет в своей книге, что руссофильство совпадало с симпатиями к схизме, т. е. к православию. Следовало бы автору тоже знать, что о настроениях русского народа в Австро-Венгрии (в Карпатской Руси) написано в официальной ватиканской энциклопедии („энциклопедия Каттолика”), двенадцать томов которой вышли во время царствования папы Пия XII. Там есть статья о Карпатской Руси, в которой говорится, что в XIX ст. среди карпатороссов, вследствие мадьяризации и латинизации обряда в униатских церквях, началось сильное брожение в духе руссофильском и православном, которое после распада Австро-Венгрии, во время Чехословацкого владычества, „дало обильные плоды”. Необходимо иметь в виду, что при составлении этой Ватиканской энциклопедии, написанной на итальянском языке, принимали участие и украинские священники галичане, которые все-таки не считали возможным выкинуть эти строки из энциклопедии. Почему их примеру не последовал автор статьи?

О русских униатах в Лексиконе говорится еще в особой статье под заглавием „Униатские церкви востока”. Там сказано только, что самые большие группы униатов составляли „униатские украинцы и рутены на своей родине” и униатские румыны, но эти группы „были уничтожены при содействии государственных властей, устранивших иерархию и сопротивляющееся духовенство. Первые, т. е. униатские украинцы и рутены в XIX столетии царским правительством, в особенности при Николае I; последние после второю мировой войны при помощи коммунистического режима”. „Желание возвратиться к православию было в том и дру-

гом случаях высказано только ничтожным меньшинством духовенства. Мы поэтому ничего не можем сказать о действительном положении этих униатских общин”, — заключает автор статьи.

Здесь необходимо указать на странное противоречие в Лексиконе. В статье о России имеются на стр. 1280 следующие предложения:

„Православное дворянство Польско-Литовского государства... сделало возможной Брестскую унию в 1596 году... Царское государство... разбило унию. В 1839 году три епископа и 1300 священников перешли в веру царя...”

А в статье об униатских церквях (на стран. 1496) мы читаем, что униатские „украинцы и рутены” были „официально возвращены в православие в сущности при помощи государственных властей, которые устранили иерархию и упорствующее духовенство... в 19 столетии царским правительством при Николаи I, а затем в 1945-1947 г. г. Советским государством. В этом и другом случае возвращение в православие было высказано незначительным меньшинством священников”.

Где тут правда? Действительно ли три епископа и 1300 священников заявивших о своем возвращении в православие „ничтожное меньшинство”?

Итак автору совершенно не известен факт, что к возвращению в православную веру стремилось громадное большинство русского населения, о чем мы уже упоминали выше и о чем не молчит ни профессор иезуитского высшего учебного заведения в Риме Амман, ни официальная Ватиканская энциклопедия. Об униатах еще упоминает другая статья под заглавием „Украина”. Там имеется прямо удивительное поучение об униатстве, в частности, о роли митрополита Шептицкого. Там сказано, что среди украинских униатов было сильное течение создать особую украинскую церковь „независимую не только от православной церкви, но также и от Рима”. Автор это стремление называет „униатизмом” и по его мнению, совершенным олицетворением этих стремлений был украинский львовский митрополит граф Андрей Шептицкий. Такое утверждение доказывает, что автор, написавший эту статью, не имеет ни малейшего понятия о том, что представлял собой граф Шептицкий.

Наши читатели, конечно, знают уже о том, кто он был и каковы были его цели. Но мы еще раз кратко упомянем о том, как и почему Шептицкий превратился из польского римо-католического графа в русского униатского митрополита и затем в украинского митрополита. Как мы упомянули выше, русское население Галиции а также и подавляющее большинство

духовенства считало себя русским и сочувствовало православию. По словам иезуитского профессора Аммана, даже высшее церковное начальство во Львове в восьмидесятых годах прошлого столетия считало себя русским, причем на другом месте той же книги профессор Амман, иезуит, говорит о том, что русофильство было тождественно с тяготением к православию. Австрийское правительство, поляки и Рим не видели другого выхода, как только произвести в галицкие митрополиты молодого поляка, римо-католика, который воспитал бы новое униатское духовенство враждебно не только православию, но и ненавидящее все русское. Таким был митрополит Шептицкий, цель которого была, как свидетельствует найденный в его архиве, замурованом в погреб его дворца во Львове, меморандум австрийскому правительству, в котором он говорит о том, что при завоевании Украины необходимо немедленно приняться за отторжение местной православной церкви от Москвы и что для этой цели необходимо немедленно изгнать всех епископов и заменить их новыми. При этом он указывает и на то, что у него для этой цели имеются особые полномочия от Ватикана.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы понять, что все то, что написано в Лексиконе о православии сербском, румынском и русском, об унии, о России, об украинском сепаратизме, написано так, как это мог бы написать только убежденный папист, или человек, совершенно не сведущий в этих вопросах и находящийся под влиянием римской пропаганды.

Выше мы привели некоторые места из того, что Лексикон преподносит своим читателям о православной церкви и о православных державах.

Русская церковь представлена в крайне неприглядном виде. Каждому читателю врежется в память, что православие, как указано в Лексиконе, это „вера царя”, в которую насильно возвращали униатов. Брестская уния 1596 года была, как утверждает Лексикон, „соглашением”, которое потом, в девятнадцатом столетии, „разбила царская Россия”. По отношению к коммунистам, Лексикон внушает мысль, что они в церковных делах продолжают царскую политику, и т. д.

Что уния была насильственно навязана западной Руси Римом и Польшей, на это даже нет намека. Что западная Русь в течение многих столетий, включая и наш двадцатый век, боролась против унии и что за это русских людей преследовали самым жестоким образом римокатолические государства — Польша, Габсбургская Австрия и Чехословакия, тоже нет ни слова.

Как все это объяснить? Ведь „советодателем“ Лексикона был русский православный священник, Георгий Флоровский, теперешний профессор истории восточных церквей Харвардского университета, а до этого, как сказано в Лексиконе, декан Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, представитель Североамериканской греко-кафолической русской митрополии в Мировом Совете Церквей!

Совершенно очевидно, что профессор Флоровский был приглашен „советодателем“ и сотрудником именно потому, что он не только православный священник, но и, в особенности, по той причине, что он имеет право говорить от имени православной церкви (в Лексиконе сказано, что он „sprächer“ православной церкви).

В чем же тут дело? Какова была роль его при извращении фактов в ущерб русской православной церкви, при иронических насмешках над ней и замалчивании самых существенных фактов?

Все это не личное дело Флоровского, тем паче, что он не только перед издателями Лексикона, но и — что еще важнее — перед читателями Лексикона фигурирует как знаток истории православной церкви и как ее представитель. На это мы все, православные русские люди, имеем право получить от него ответ.

Ответ на этот вопрос имеет не только право но и обязанность перед русской православной общиной затребовать от о. Флоровского Митрополия Русской Североамериканской православной церкви. Она, как мы уверены, до сих пор не была осведомлена о роли своего представителя при составлении позорящих православную церковь статей в лютеранском Лексиконе.

Рим

С Л О В О

Глаголом жги сердца людей (А. С. Пушкин)

Слово — искра из сердца, палящий огонь,
Слово молнией мысли согрето:
Мой Пегас златогривый, мой огненный конь —
Пронеси сквозь невзгоды поэта.

И летит наше слово, пылает, горит
Над потемками мира земного.
Слово правды и света влечет как магнит.
Слово дар нам от Бога святого.

Слово-истина, свет, красота, бытие.
Слово-огненный меч у поэта.
Я умру, но останется слово мое —
Залисная тетрабочка эта.

А. Росков

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВАТИКАНА

Телеграмма от 26 июля 1914 года баварского посланника при Ватикане, М. Ф. Ригера, своему правительству, гласила:

„Апостолическая столица одобряет энергическое выступление Австрии против Сербии. Кардинал статс-секретарь надеется, что на этот раз Австрия не уступит, ибо, по его мнению, когда же объявлять войну, если не теперь“.

Из статьи „Заметание следов или корректирование истории“ графини М. Велепольской, помещенной в варшавской газете „Kurjer Poranny“ от 1 августа 1931 года.

В книге „THE ROTSCHILDS, A FAMILY PORTRAIT“ (автор Ф. Мортон), на стр. 84 имеется следующее интересное место:

— Папа Григорий XVI принял Карла фон Ротшильд и подал ему руку, вместо того, чтобы заставить его, согласно обычаю, поцеловать ногу. И он пришил орден Св. Георгия на отвороте пиджака Кошперного барона. (Это событие имело место 10 января 1832 г.)

Из письма А. Бирюка, автора книги „Размышления о католицизме и православии“.

...Мои мысли о католицизме и папстве подтверждаются. Папа Иоанн XXIII не снюхался бы с Хрущевым. Аджубею он подал руку для пожатия, а не ногу для поцелуя. Ездил же Д'Эрбини в Москву, теперь Аджубей поехал в Вашингтон, где был принят гораздо любезнее, чем папский посол в Москве.

Идеологически коммунизм и католицизм тождественны: мировое господство во что бы ни стало. Им предстоит только разделить сферы влияния — одному духовная область, а другому политическая — и сотрудничество может осуществиться, как в свое время сотрудничество Сталина с Гитлером. Конечно, каждый из них надеется надуть друг друга, но пока, для общих интересов, можно наладить сотрудничество.

Склад русских книг, изданных за рубежом.
В г. Нью Йорке (США) Агенством „ДОН“ организован склад русских книг, изданных за рубежом. Каталог высылается по требованию.

Книги выписывать по адресу:

GREGORY SHEVTOFF
Book Agency „DON“, 1675 Bryant Ave., Apt. 1 F.
New York 60, N. Y. USA.
Tel. DA 3-0518

О НАШЕЙ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

(Письмо в редакцию писателя и журналиста Ю. Миролюбова)

Не писал Вам, потому что по горло занят книгой „О князь Кіѣ”. Она почти окончена. Много ухлопал времени и труда. Материалов почти нет, кроме наших Задонских преданий. Я ими и воспользовался. Нашел и другие сведения, иной раз даже очень интересные. Князь Кій был с Тиши-реки (Тиссы), притоке Дуная, из построенного им города Киевца-Дунаевца (по латыни „Циус”), откуда он, после больших военных трудностей ушел в Карпаты, затем в Княжгород на Роси-реке, который он укрепил и прожил там некоторое время. Оттуда ушел на Днепр и поставил Киев-град при перевозе через Днепр, у Боршагова. По нашему мнению, Кій и является основателем Руси, следовательно, Руси не 1100 лет, а тысяча пятьсот тридцать два (1532)!

Летописец Величко, или Величка сообщает содержание Универсала Богдана Хмеля — гетмана: „...Русов з Руси от поморья Балтицкого, альбо Немецкого, за предводительством князя их Одинацера, року по Рождествѣ Господнем 470, не побоялись и самой римской силы и ветхий (Рим) был взятый и четырнадцать лит обладаемый”, а Самуил Зорка, генеральный писарь Запорожского войска, у гроба Хмельницкого, говорит усопшему: „Милый вождю, древний Русский Одинацере!”

Из преданий известно, что князь Кій и Одинацер были в дружбе и чуть не пошли вместе Киев-Град строить. Карпаты сыграли огромную роль в образовании Киевской Руси.

Князь Кій, после ухода из Карпат, построил укрепления древнего **Князь-Города** на реке Роси. Он жил сначала там, потом же, под давлением готов и вероятно аваров, ушел на Днепр, и поставил град Киев. С ним были „хорпы” с Карпат, или же „васильки”, как их называет предание. Полевой „василек” — было название Карпатского Руса.

Богдан называет южных киян — русами. И это имя, конечно, так и осталось бы, если бы не Монгольское нашествие и не Литовско-Польское владычество в Киевской Земле.

По мере того, как делаю поиски по этому вопросу, все более и более вырисовывается положение: **не северные русы или росы создали первое русское государство, а южные! Они — кровно близкие русам севера, у них не было никакого желания „самостийности”. Самостийность это — позднейшая вражеская работа.**

Никогда Кияне не хотели отделяться от Москвы. **Ведь и Москва пошла от переселившихся туда Киян.** Белохорваты же, Киверцы (Тиверцы), уличи, сербы, словаки, карпатские ру-

сы образовали Киевскую Державу в Княжгороде, а затем и в Киеве. Эта держава уже обладала правильно организованной военной силой. Между тем, венды (анты), жившие северней, хотя тоже имели государство, но это было родовое государство, без особой организации, с выборным началом, текучим составом и постоянными ссорами из-за управления. В общем, это был **резервуар**, из которого черпали людской состав как Новгородская Земля, так и Киевская или Приазовско-Донская (Лыбедия).

Южные венды (анты) жили по Донцу и Дону, доходя до Азовского моря, и на Дону у них был порт, позже захваченный хазарами, и называвшийся „Россия”. (См. А. М. Миллер „Дон и Приазовье в древности”, 1958-60, Мюнхен, изд. Института по изуч. СССР.) Порт этот потом устраивали византийские инженеры, по просьбе хазар. Однако, порт **Россия** существовал до постройки хазарской крепости — Белая Вежа. Отсюда и ходила так называемая „Артанская Русь” в море, где торговала с берегами, к себе отнюдь никого не пуская. В то время купцы пробирались куда-либо, а за ними шли уже войска, и грабили все и всех.

Руги, ругсы, или же русы жили по Балтике, от Днепра и Карпат, и **Одоакр** не был **никаким готом**, но королем „Рекс Рутенорум”. Об этих временах очень мало сведений, однако мы знаем, что „славяне и анты прежде были едины и носили одно и то же имя” — так передает Проконий Кессарийский — „после чего у них была война (междоусобие) и склавини (славяне запада) отделились от антов”. Война эта имела место в III-IV веках.

Ю. Миролюбов

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРОШЛОГО

В этом кратком рассказе я буду говорить о простых людях в деревне, которых знал. Правда же, о простых людях мало кто пишет. Между тем, это были люди интересные, часто столь мудрые, что и среди образованных таких не было. Такова была наша „**Прабка**” **Варвара**. Она издавна, еще с крепостного права, была в семье деда нашего, по отцу, и затем перешла к нам, в семью, на правах нашей семейной боярыни. И вправду, она была как древняя боярыня. Росту высокого, величественной осанки, добрая до беспредельности, но твердая в решениях. Она воспитала отца, и последний ее уважал настолько, что когда „прабушка” скончалась, то не знал куда деваться и что делать.

Мы, дети, любили ее до самозабвения. Она была нашей Хранительницей огня, она была источником традиций, и всегда ратовала за „дедовщину“, то-есть, за исполнение древних обрядов. Она же знала множество преданий и легенд. От нее я узнал о древнем русском прошлом более, чем в университете. Мои работы по родному фольклору и древней нашей истории и пренестории, целиком направлены ею, и во многом я ей обязан, так как задавленная „норманистами“ наша история не давала той полноты знания прошлого, которое я получил от прабки Варвары.

Вторая женщина, преподававшая мне огромные знания фольклорно-легендарного характера, была старуха Захариха. Я так и не знаю ее настоящего имени, да это и неважно, в конце концов. Она пересела к нам во двор, жить в легкой кухне. Это была настоящая сказительница южно-русских бывальщин. Если прабка Варвара передавала предания и сказки, а также обычаи прошлого, то Захариха передавала настоящую альтерированную историю и пренесторию в сказках. К великому счастью, записи мои, иной раз хоть вкратце, ее сказов, сохранились. В этих сказах вырисовывается древнейшее прошлое русов, имена царей, князей, воевод, описание войн, нашествий и других событий. В настоящее время я привожу в порядок эти сказы, и если будет возможность, напечатаю их.

Дед Канунник, живший за селом, в курене, где он стерег бакши, то-есть, огороды, в которых росли помидоры, огурцы, кабачки, тыквы, арбузы и дыни — знал много разных сказок, иногда легенд и поверий. Однако и он был полон фольклористического материала, и всегда охотно говорил о нем.

Кобзарь Олекса, заходивший к нам временами, иной раз три и четыре раза в год, пел песни древнего, до — Рюриковского эпоса Киевской Руси. Мне удалось записать, если не все (куда же там, все!), то главнейшее из его песен. Это у него я узнал, что „Русы-Аразы, или Ойразы, или же Озары, с острова Араз, на севере“. Это был древнейший отголосок нашего прошлого. Он же говорил, что „Русы — дети Света и Солнца Разума, и на их острове кланялись солнцу и боялись Лиха Семиглавого, Змеи, Матери Змея — Горыныча, тоже семиглавого“. Он же утверждал, что трезуб князя Кия оттуда же, и обозначал он Яворуну, божество неба, Орион, видимый в северном углу неба.

— Отож Бог сказал: видишь отъ звезды?

Царь Сварог ответил: „видю“.

— Ну, так зроби себе такой трезуб, и им будешь править людьми.

Итак царь Сварог стал править людьми при помощи трезуба, знака царской власти.

Это кобзарь Олекса пел, как „боги стали царями русов, щуров и пращуров наших, и как русы сами были „внуками Давьбожими“.

Этих несколько замечательных простых русских людей сообщили мне сведения, каких я нигде не встречал. Конечно, является моим долгом сообщить их, ибо из-за революции вряд ли уцелеет что-либо от древнейшего русского фольклора. Между тем изучение фольклора насущная задача науки, ибо в нем часто находятся звенья плодотворных событий, неизвестных официальной науке.

Друг с другом эти русские люди не общались, но говорили о сходных событиях и фактах. Так, дед Канунник говорил об ирисе, что это „Перунка“, перун-цвет, о чебреце (богородской траве), что это — „Ладин-цвет“, о волошках (синий василек, хлебный василек), что это — „Велес-цвет“, а о девясиле — что это — девять раз дивный цвет, или „диво-цвет“. Позже нам довелось слышать в Словакии песню, где девясил назывался „деватеродивный цвет“. Таким образом, эти фольклорные выражения из Задонья перекликаются с общеславянскими. Значит, они идут из глубокой древности.

Дед Канунник особенно любил возиться с лекарственными травами, которых у него случилось множество. Те же травы собирала прабка Варвара с нашим отцом, и отец прекрасно знал траволечение, и применял его весьма часто к больным. Все, что было в книгах о траволечении, он изучил. Прабка сама знала много, и поучала отца, как именно и когда собирать травы, и против каких болезней какие травы употребляются.

Мне выпало счастье знать этих замечательных людей, многое из их рассказов запомнить, другое записать, и вообще вжиться в их представления и психологию. Позже я узнал с удивлением, что эти люди знали древнейшие события пренестории русов. Так, например, Захариха сказала однажды: Князь Кий одвоявал Русскую землю, позвал каменщика и сказал: — „отож выбей в белом камне след моей ноги, поставь трезуб, Сонце, и чтоб моя нога была вдесятеро больше, а после мы поставим камни те на границах Земли нашей.“ Эти камни Захариха называла „конами“. „Кон“, вероятно начал — „каган“ (тюркское сл.), или же князь. Такие камни найдены.

Ю. Миролюбов

**РУССКИЕ ЛЮДИ, — ПОМОГИТЕ ВАШИМИ
ПОЖЕРТВОВАНИЯМИ СОЗДАТЬ ИСТИННО
РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ПЕЧАТЬ.**

СКАЗ ЗАХАРИХИ О КНЯЗЕ КИЕ И КАК ОН ГРАНИЦЫ РУСИ СТАВИЛ.

— Як одойшли три браты с Дона-Реки та пойшли до Дунаю до синяго, так чотырнадцат годов ходили по степу, и как придуть, та видать, худо там, и одуд-птица летаетъ, кричитьъ:
„Худо тут! Худо тут! Худо тут!“
А як слышетъ князь Кій птицу ту, так и рьекнетъ идти даль оттам-тут. И дошли браты до Дуная-реки до синяго, а тамо город Киевецъ-Дунаевецъ поставили, неподаль Тиши-реки, та не змогли жить мирно, бо всяк час то годяцы идуть, нападають, а то булагары с комоньством летяць, и не маеть часу тихаго николи там. Так послали браты до Руськолани, до Турасов, та до Сурежи братьской, абы помагали они русам-киянам жить. А пришли тѣ братскіе Руси степовые, та была пересича великая с годяками, а розбили они годячину злую на поли, а тако порѣшали меж просебе:
— Як голова сбита шаблюкою, так не зрять видно, а чи она русова. Так русы должны чуба одпушати, а до уха серегу дати, и бороду брити. А коли ж голова русова, то потребується диру в ней пробити,, абы душа с ней выходила до Бога. А ворожу голову можна и так нехать. — И так с того часу русы поробили. И видят три браты, ворогу засыть много, и невѣдомо, як от него отбиватись. Так проѣщал князь Кій Киевца нехати, а до полуночь свѣта идти, аж до гор, а там у Карпат-горы держатися. И пошли русы, и еще пять годов были на Карпат-горѣ, а оттам-туд шли до Днѣпра, и тамо Кій-город зробили, поставили. А цари Турасу, Русколани да Сурежу за ними дорогу ворогам румам держали, а до Кія князя с братами не пускали. Отож и видить Кій князь, и на Карпат-горѣ добра от ворогов немаеть ниякого. Так повел люди свои до Днѣпры-реки, а тамо уставився нацѣло крѣпко. Пояк пришли русы до Днѣпра-реки, так отказал князь коны ставити, а тѣ коны-камень бѣлый, чистый, а на камнѣ том нога княжая великая, десять крат од обычнѣй большая, и на камнѣ высѣчено Солнце Руськое, Трезуб княжей и пальца великая, а та пальца-кій есть, княже имено. Отож пришли до русов балагари-кутряци*)

*) куряци — вѣроятно, кутригуры (прим. Ю. М.)

а привели собак-кутек великих, а дарували их до кутни княжей, абы ворога зачували до часу в ночи. А подарували собак, пошли до Ингульцю, а там-тудь оставались жити, овецъ пасти. Коли ж видѣли ащо в степу, до Кія комоннаго гнали сказать. И зато русы кияньскіе им помагали, коли хлѣба не имели, небо ж сала, мяса, так русы давали им вдосыть потребу. И с того часу Кій князь послал стопы свои по конам ставить из каминю бѣлаго, и по тѣх конах границя была руськая, и за ту границу ворога пускати не смѣли. И пришли три цари из степу русы, Великсун, Улягсун и Русансун с людьми, и тѣ коны признавали, а скотину гнали, абы русам-киянам на помочь была. Там пили-ѣли они с русами-полями, три дни и три ночи спѣвали и в дуды гудѣли, а потом шли до степу, а кияне город ставили.

КАРПАТАМ

Из цикла „Карпаты — колыбель восточных славян”.

(1939-1945)

„Восточные славяне двинулись из нынешней Галиции прямо на восток до Днепра”.
(С. М. Соловьев, „История России”, т. I стр. 93).

Здравствуйте, горы Карпаты:
Буки, березы и ель,
Грустью и миром богатый,
Край красоты необъятной,
Дедов моих колыбель!

Нити, как крепкие цепи,
С этих вот горных гребней
Вяжут Карпаты и крепят,
Через бескрайние степи,
С берегом льдистых морей.

В давние годы отсюда,
— Можно ль ту цепь разомкнуть —
Вышел народ в многотрудный,
Скорбью и славою чудной
Залитый — жизненный путь.

Русского сына и брата
Льетса приветная трель,
Через простор необъятный,
К вашим вершинам, Карпаты,
Дедов моих колыбель!

А. Нельской

ОБ ИСТОКАХ РУСИ

Когда мы говорим об истоках Руси, в нашем представлении тотчас же возникают: древний Новгород, Рюрик с братьями, Киев, Олег, варяги и т. д.

Как мы выяснили в большом нашем труде: „История „русов“ в неизвращенном виде” (1953-1960, 10 выпусков, 1775 стр., Париж), а также в ряде статей в журнале „Возрождение” (1960-1962), с варягами произошла большая и трагическая ошибка: „варяги” летописей вовсе не были в большинстве случаев чуждые нам по языку, вере и обычаям германцы, а славяне из западной Прибалтики, из области Полабья, т. е. Эльбы.

Народа „варягов” никогда не существовало, была профессия варягов, т. е. наемных воинов, но они обычно составлялись из разных национальностей (германцев, скандинавов, славян и других).

За одним из князей западных славян была замужем Умила, средняя дочь последнего новгородского князя Гостомысла, умершего без наследников по мужской линии. Еще при жизни, будучи уже старым, Гостомysl предложил новгородцам взять в князя его внука от Умилы. Однако, после его смерти начались раздоры, в результате которых два-три года было междоусобице; дело дошло даже до войны среди славян.

Наконец, здравый смысл восторжествовал: решили последовать совету покойного Гостомысла и послали за его внуками по дочерней линии, проживавшими вовсе не в Скандинавии, а в землях западных славян, в нынешней западной Германии, в области реки Лабь (Эльбы).

Таким образом, Рюрик был чистокровным славянином и привел с собой дружину из „варягов”, естественно состоявшую преимущественно из славян.

Мы не будем останавливаться здесь подробно на вопросе о славянстве рюриковичей, ибо выяснили его достаточно в предыдущих наших работах и статья и отсылаем к ним читателей, желающих узнать подробности.

В результате наших работ можно установить постулат № 1: „Рюриковичи” были чистокровными славянами. Вторым постулатом является: **Нигде и никогда германского племени „Русь” не существовало; существовало до 1168 г. славянское племя Русь, которое в упомянутом году было окончательно сломлено германцами, потеряло свою государственность, насильно германизировалось и вскоре совершенно исчезло со страниц истории (далее мы скажем точно, почему именно).**

Однако, в 1113 г., когда писалась „Повесть временных лет”, славянская Русь на западе, около устья Эльбы и острова Ругина, еще существовала. И русский летописец совершенно точно отметил, что посланцы новгородцев направились за князем к „варягам” — „к Руси”, и считал нужным добавить, что эти варяги — Русь, не шведы, не норвежцы, не англы и не готландцы! Иначе говоря, не народ германского корня.

Он не употребил термина „славяне” потому, что такого широкого, расового понятия тогда еще не существовало, и ему, конечно, в голову не могло прийти, что через несколько столетий истинное значение слова „Русь” будет забыто.

Из „Жития Оттона Бамбергского” первоисточника поморских славян, жившего как раз в эпоху написания „Повести временных лет”, мы узнаем, что западная Русь называлась тогда „Рутения”, народ — „рутенами”, что является латинским произношением слова „русинь”.

Из летописей мы знаем доподлинно, что жители области Киева в 9-м веке назывались „русинами” (по-латыни „рутенами”), а государство их „Русью”.

Таким образом еще в начале 12-го века существовало две славянских Руси, разделенных огромным пространством: одна Полабская или Прибалтийская, другая Приднепровская. Первая была вскоре вовсе уничтожена германцами, вторая уцелела до сих пор и ее то именно и считают Русью, забывая о существовании первой, коренной Руси.

То же „Житие Оттона” освещает нам факт огромной важности: западная, прибалтийская Русь имела и другое параллельное, но чаще употребляемое название: „русинь” назывались также „ругами” (отсюда остров Ругин, современный Рюген).

О ругах-же сохранилось в истории гораздо более исторических сведений, чем о русинах. Напомним, что германские летописи называли княгиню Ольгу — „регина ругорум”, а не „руссорум”, показывая тем, что в 10-м веке „руг” и „русин” было одно и то же.. Сведения о ругах в истории еще никем не собраны и не освещены, но несомненно они значительно расширяют и углубляют наши познания о „русинах”, т. е. русских.

Мы подошли теперь к постулату номер 3: в древности, еще в начале нашей эры, существовало в средней Европе огромное славянское племя Русь, имевшее, естественно, много подразделений и частных названий, и отраженное в топонимике, т. е. в названиях различных мест.

Восточный отрог этого племени поселился на среднем Днепре и здесь образовалась „Киевская Русь”, разросшаяся уже при Олеге далеко на север и восток.

Западная часть еще в 1168 году была политически уничтожена германцами, а затем и германизировалась. Но имелась, и до сих пор еще имеется, средняя часть древней, первоначальной Праруси — это „Прикарпатская Русь”, где и язык, и племя, и название „Русь” сохранилось до наших дней.

Отсюда мы видим, что Русь не сваливается, как бы с неба, на поле истории в середине 9-го века, — она имеет гораздо более древнюю историю. И мы можем различать три ее части: Полабскую, Прикарпатскую и Киевскую (Приднепровскую). Только зная историю всех трех частей можно понять правильно, что такое Русь, и откуда она.

Тацит в своем труде „Германия” упоминает западных ругов еще в 98 году нашей эры и при том как-раз в том же углу западной Европы. Отсюда ясно, что племя ругов идет далеко в глубь веков, еще до нашей эры, ибо для того, чтобы быть упомянутым в 98 году, надо было иметь века и века развития. Тацит упоминал только очень крупные и важные племена.

Что же касается Прикарпатской Руси, то вряд-ли приходится сомневаться, что именно русины Прикарпатья входили в состав группы племен, напавших в 477 году на Юваву (ныне Зальцбург) под предводительством Одоакра, который назван в надписи на старинной каменной плите — „рекс рутенорум”, т. е. „вождь русинов”.

Ни история полабских русинов, ни история Прикарпатских русинов никем не написана, надлежащим образом не исследована и не освещена; многие даже специалисты-историки не подозревают того, что это можно и необходимо сделать. До сих пор и мы, и за граница питаемся совершенно устарелыми представлениями о происхождении и распространении Руси.

Нами сделана попытка осветить надлежащим образом вопрос: написана книга в 13 печатных листов: „Русь, откуда ты?”, но когда и кто ее напечатает, неизвестно, все упирается в недостаток средств и косность массы „руссинов”.

Как-бы то ни было, а проблема собирания „Русей”, понимания истории Руси не в отрыве от других славян, уже встала перед нами. Уже есть стержень вокруг которого можно объединить разрозненные, разбросанные повсюду сведения о древней, первоначальной Руси.

Не Иванами непомятыми родства являемся

мы, а одним из самых древних, основных народов средней Европы. Это постулат номер 4. Только туман так называемой норманской теории мешал выявлению истины. Не германцам мы обязаны своей культурой, а своим предкам.

Многие, и при том настоящие патриоты „матушки России” до сих пор не осознали своей кардинальной ошибки, что мы самобытны и не удобрение для других народов, а только выдвинулись на сцену истории позже других из-за удаленности от центров древнейших культур. Это однако нисколько не мешает восстановить истину, что русины издревле не только вообще Европейцы, а среднеевропейцы, в восточную Европу они пришли около начала нашей эры.

От устьев Дуная, Эльбы, Одера, Вислы, Днестра, через Карпаты к Днепру простиралась область древних руссов.

В течение всей древней и средней истории Европы русины (хоть часто и под другими названиями) играли огромную роль, политическую и культурную. Это был субстрат, на котором разрослась культура средней Европы. Потом и кровью, своим горбом создал русин все предпосылки для ее развития, но в силу целого ряда причин и обстоятельств, сливки, т. е. славу, приписали себе другие народы, вследствие своего политического господства.

Однако, этому господству пришел конец и славянство встало на ноги от истоков Дуная и до... Камчатки. В этом политическом подвиге сыграли огромную роль все русины: западные, средние и восточные.

Одна беда: истинной нашей роли мы еще в достаточной мере не осознали, а иностранцы вообще утопают в этом отношении в полном невежестве, ибо истинной роли славян никто из иностранцев не изучал, и это понятно: как можно браться иностранцу за синтез истории „неисторического” народа? Однако не следует думать, что нами руководит национальная гордость, создавая миражи. — имеется очень много солидных иностранных ученых, приводящих огромное количество фактов в пользу правильного понимания роли славян в культуре Европы. К сожалению, синтез этих сведений, который открыл бы глаза всем на истинное положение дел, не осуществлен.

Не нам лично, конечно, браться за такое дело, но расчистить дорогу мы все же пытаемся. Одним из путей к осуществлению этого является опубликование труда, который подводил бы до некоторой степени итоги нашим сведениям о древней Руси и притом в правильной перспективе, он есть (в рукописи), но кто его издаст?

ЧЕШСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА КАРПАТСКОЙ РУСИ

После образования Чехословацкой Республики, в Праге было созвано учредительное собрание, члены которого были назначены чехословацким правительством. В учредительном собрании были исключительно чехи и словаки; там не было ни одного немца, не взирая на то, что они в Чехии составляли одну треть населения; не было ни одного мадьяра; не было ни одного русского, хотя Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии великими державами с особыми привилегиями. Учредительное собрание состоялось в 1920 году. Первые выборы в чехословацкий парламент, который состоял из палаты депутатов и палаты сенаторов, происходили в том же 1920 году. Депутаты и сенаторы выбирались во всех частях Чехословакии, также и немцами и мадьярами. Только Карпатская Русь в этих выборах не участвовала. Наш край был лишен какого-либо представительства в чехословацком парламенте до 1924 года. Только в этом году, в ноябре месяце, состоялись первые выборы в Карпатской Руси. В этих выборах были заинтересованы все чешские партии: в частности народно-демократическая, аграрная, народных социалистов, социал-демократов и римо-католических клерикалов.

Д-р Крамарж, первый министр-президент Чехословацкой Республики, предложил мне возглавить список кандидатов народно-демократической партии. Крамаржа я знал хорошо еще до войны. После того, как мне было сделано это предложение, у меня был продолжительный разговор в клубе чехословацких народных демократов с д-ром Крамаржем и д-ром Гайном. На предложение, возглавить их список в Карпатской Руси, я им сказал, что прежде всего мне необходимо знать, как они относятся к автономии Карпатской Руси. На это мне ответил д-р Крамарж: „Само собою понятно, мы стоим за автономию Карпатской Руси”. — Нам необходимо знать, какова, по вашему мнению, должна быть автономия Карпатской Руси” — ответил я.

После довольно продолжительного разговора с д-ром Крамаржем и д-ром Гайном, я убедился в том, что они говорят со мной неискренно. На многие вопросы они мне не давали прямого ответа. Дело кончилось тем, что д-р Гайн, который по своей профессии был юрист, адвокат, предложил мне составить для него бумагу с интересующими меня вопросами, обещая ответить на них письменно, чтобы избежать недоразумений. С этим я вполне согласился и уже на следующий день передал д-ру Гайну

мой список вопросов. Дабы не осложнять дела, я поставил вопросы таким образом, что ссылался на существовавшие до первой мировой войны автономии, в особенности на автономию Хорватии-Славонии в пределах Венгрии, а также и на автономию, которой пользовалась Финляндия в России. Между иными я поставил вопрос: „Готовы ли вы дать Карпатской Руси такую автономию, какую имела Финляндия в России, или Хорватия и Славония в Венгрии? Если вы не согласны, скажите, чего вы не хотите дать из того, чем пользовались финны в пределах России и хорваты и сербы в Венгрии”.

Может быть будет не лишним отметить, что между Финляндией и Россией существовала таможенная граница, что официальным языком Финляндии были финский и шведский языки, что финны были освобождены от воинской повинности.

В Хорватии--Славонии официальным языком был только сербо-хорватский язык. Все школы: народные училища, гимназии и университет пользовались только сербо-хорватским языком. Мадьярский язык имел весьма ограниченные права в пределах Хорватии и Славонии, а именно, надписи на железных дорогах и на всех государственных учреждениях общих для Венгрии и Хорватии, кроме сербо-хорватского языка были составлены еще и на мадьярском языке, и чиновники в этих общегосударственных учреждениях, которые входили в соприкосновение с посетителями, должны были владеть обоими языками: сербо-хорватским и мадьярским. Зато все надписи во всех поездах во всей Венгрии были составлены на двух языках: на мадьярском и сербо-хорватском. И даже в далекой Карпатской Руси, входившей в состав Венгрии, мы видели во всех вагонах сербо-хорватские надписи.

Вот я и спросил: „Готовы ли господа Крамарж и Гайн предоставить Карпатской Руси такую автономию, какую имела Хорватия”? И я указал на то, что до первой мировой войны в чешской печати все политические деятели, без различия партий, оплакивали хорватов и сербов за то, что их так угнетают мадьяры.

Я уехал из Праги и долгое время не получал никакого ответа на мои вопросы. Когда я вернулся в Прагу, я опять зашел в парламент и встретив Крамаржа и Гайна спросил их, почему я не получил ответа на мои письменные вопросы. На это мне д-р Гайн сказал очень раздраженным тоном: „Потому, что я понял, что вы поставили вопросы так, чтобы исполь-

зовать мои ответы для противочешской пропаганды”.

Народно-демократическая партия образовала особый комитет, состоявший из шести человек, который должен был заниматься делами, связанными с выборами в Карпатской Руси. Этот комитет возглавлял д-р Семерад, директор одной из пражских больниц („На Виноградах”), чрезвычайно порядочный человек и большой руссофил, каких в тогдашней Чехословакии было очень мало. Он возмущался тем, что произошло у меня с Крамаржем и Гайном, считая, что они должны были согласиться дать Карпатской Руси все те права и преимущества, которые были у Финляндии и у сербо-хорватов и даже более, ибо международный договор гарантировал Карпатской Руси „самую широкую автономию”. Кроме д-ра Семереда в этом комитете еще был д-р Скацелик, тоже искренний руссофил. Фамилии четырех других я уже не помню. Д-р Семерад меня усиленно уговаривал, чтобы я принял предложение и возглавил список кандидатов в Карпатской Руси. Мне было предложено 250 тысяч чешских корон на расходы. Я от этого отказался.

Потом у меня был разговор с д-ром Миланом Годжей, которого я хорошо знал еще до войны. Он когда-то был членом венгерского парламента и освободил меня с моим братом из „толонц газа” в Будапеште, куда нас мадьярские власти посадили после того, как мы пыгались поехать в Изу. Нас арестовали в Хусте и в конечном итоге отправили в Будапешт в толонц газ, где собирали всех бродяг и проституток со всей Венгрии. Мы просидели там две недели. Среди служащих оказался один серб, который согласился сообщить д-ру Годже о нашем аресте. Годжа добился того, что нас освободили, и под конвоем изгнали из Венгрии.

Годжа тоже предложил мне участвовать в выборах и возглавить список аграрной партии на Карпатской Руси, в которой он состоял. Он в то время был членом парламента и министром народного просвещения и вероисповеданий. Он меня долго уговаривал. Вдруг у меня явилась мысль использовать его предложение для того, чтобы помочь православной церкви в Карпатской Руси. Я ему сказал, что я не собираюсь выдвигать мою кандидатуру, но что его аграрная партия может приобрести много голосов, если она покажет, что она не против православных, и что она готова соблюдать венгерские законы, относящиеся ко всем вероисповеданиям в Венгрии, которые до сих пор еще в силе. Согласно чехословацкой конституции, все венгерские законы, не отмененные чехословацким парламентом, оставались в силе в Карпатской Руси и Словакии. Согласно венгерским

законам, храмы и церковные имущества считаются „экстра коммерциум”, т. е., делами, которыми нельзя торговать, и что поэтому дела, касающиеся церковных зданий и церковного имущества не могут решаться судами наравне с „коммерческими” делами. Вот почему, например, вопрос о том, кто является собственником церковного здания не может решаться только на основании того, что написано в поземельной книге, а должно быть разрешено административными властями согласно справедливости и в интересах прихожан. В Карпатской Руси, сообщил я ему, имеется много приходов, все члены которых православные, но которых церкви записаны в поземельных книгах как имущество униатского епископа и находятся во власти униатских священников. Так как в вашей партии находится министерство внутренних дел, — сказал я ему, — значит, полиция и вся жандармерия, то покажите хотя бы на одном примере, что вы считаетесь с законами, имеющими силу до сих пор, и передайте, хотя бы в одном приходе церковь, находящуюся в руках униатского священника, православным прихожанам. Д-р Годжа с этим согласился — кстати сказать, он был протестантом — и спросил меня, какой приход передать народу. Я указал на приход в Рахове. „Надо взять, — сказал я ему, — приход на левом берегу Тисы в Рахове, в котором все население православное”. Он со мною согласился и дал мне собственноручное письмо к представителю его партии в Ужгороде. Так как письмо не было запечатано, я его прочел. В нем было сказано, что я пользуюсь его полным доверием и что он просит представителя партии в Ужгороде исполнить мою просьбу.

Представитель аграрной партии в Ужгороде принял меня очень любезно и дал мне письмо такого же содержания к чешскому чиновнику, возглавлявшему в то время администрацию всей восточной части Карпатской Руси, т. е., весь Мороморыш и Угочу (бывшие две венгерские „жупы”). Если мне не изменяет память, его фамилия была Моравец. Находился он в г. Севлюше. Он был там чем-то вроде губернатора. Не входя ни в какие подробности, он принял меня очень любезно и сразу согласился исполнить мою просьбу, попросив меня даже назначить день для этого дела. Было решено, что в такой-то день, кажется, это была пятница, в ноябре месяце, в Рахово придет его представитель. До этого будет официально уведомлены все прихожане, чтобы они собрались в 10 часов утра перед церковью. Ведь в письме было сказано, чтобы он сделал все то, что я ему скажу, а д-р Годжа был не только министром, но и одним из главарей аграрной партии, самой сильной в чешском парламенте.

Пан Моравец говорил со мною чрезвычайно откровенно. Между прочим, он мне сказал, что предстоят выборы и в связи с этим, самой неприятной для чехов является партия карпато-русских автономистов. Так как русское население, продолжал он, чрезвычайно некультурно и не понимает своих интересов, то он считает, что не будет грехом, если правительственные органы покрадут часть голосов, которые получают автономисты...

В установленный мною день я приехал рано утром в Рахово. Я привез с собою архимандрита Алексия Кабалюка, который в то время возглавлял православные приходы в Карпатской Руси. Перед церковью был поставлен стол, за столом поместился представитель чехословацкого правительства, а с боку стояли несколько жандармов. Собрались человек шестьсот гуцулов, русских горцев, одних мужчин без женщин. Я объяснил им, что приехал представитель правительства, который хочет знать, кто они такие: униаты, паписты („папиши“) или же православные. „Вас будут вызывать по одному и вы говорите, — сказал я им — чем вы себя считаете“. Рядом с представителем правительства сидел какой-то чиновник, который записывал фамилии и ответы. Один за другим гуцулы объявляли себя православными. После того, как уже было записано человек сто, не оказалось ни одного униата. Тогда представитель правительства обратился ко мне с вопросом: „Ну, смотрите, сколько здесь народа. Мы весь день будем сидеть, чтобы всех переписать“. Я ему сказал, что можно сделать гораздо проще. Надо спросить, кто из них униат, кто признает папу. Вот тех, кто униат, и запишите. И на этом дело кончится. Чиновник сразу согласился, и вызвал униатов. Их оказалось человек не то пять, не то шесть. Тогда вдруг раздался крик со всех сторон: „Церковь наша, церковь наша, церковь православная, тут униатов нет“.

Церковь стояла на горке, а внизу под горкой был приходской дом, перед которым стоял униатский священник, наблюдавший за всем что творилось. После этого кто-то крикнул: „Идем к попу, пусть он нам даст ключ от церкви, ибо церковь наша“. И вот группа гуцулов бросилась вниз к униатскому священнику, который видя, что к нему бегут люди, бросил ключ в снег. Снег был глубокий, его затоптали и ключ найти не могли. Тогда откуда-то принесли лом, сломали дверь церкви, пригласили из соседнего дома архимандрита Алексия и началось богослужение. Церковь была мигом заполнена народом, появились и женщины. Собралось столько народа, что все не могли поместиться в церкви. Хотя был мороз, люди стояли на каменных плитах на коленях, многие из них плакали. Незабы-

ваемое впечатление произвел на меня и на всех один гуцул, который стоял впереди на коленях, усиленно бил челом поклоны и плакал. Когда кончилось богослужение, народ обступил его и многие спрашивали: „Что это случилось с тобой? Ведь ты нам всегда говорил, что ты в Бога не веришь, и в церковь ты не хотел ходить. Как это ты теперь вдруг стал на колени, бил поклоны и плакал?“ На это он ответил: „Теперь церковь наша. Раньше это не была наша церковь. Когда во время войны наш униатский поп приказывал мне звонить, то он всегда говорил: — „Иди, иди, Иване, позвони этим медведям. Мы для них были медведи... а теперь церковь наша“.

Эта церковь оставалась в православных руках целый год. В конце года, под давлением римокатолической клерикальной партии в Праге, эту церковь чешские жандармы отняли от православных и передали опять униатскому попу.

Через некоторое время произошел другой случай, еще более показательный. Глава чешской администрации в Севлюше передал в подследствии церковь в селении Керетки местному православному населению, установив факт, что во всем приходе нет ни одного униата и что униатами считают себя только священник, дьяк и сельский писарь, которые вдобавок, все были пришлые. Православная церковь оставалась в руках местного населения, как мне помнится, только около года. Вдруг в одно воскресенье, во время богослужения, появились чешские жандармы, вошли в церковь и приказали всем выйти из церкви. Шло богослужение и священник находился в алтаре. Жандармы вошли через царские врата внутрь, схватили священника за ризы и выволокли его на улицу. Затем начали бить прикладами народ и выгнали всех из церкви. При этом одного из прихожан, по фамилии Марфинец, которого я лично знал, ранили тяжело штыком, так что он лежал на земле перед церковью, умер. Среди молящихся находилась его жена с детьми. Жандармы не подпустили их к умиравшему.

Много лет спустя, уже после второй мировой войны, когда Бенеш образовал свое заграничное чехословацкое правительство, но без участия постоянного члена всех чехословацких правительств — д-ра Милана Годжи, — который в течение последних трех лет существования Чехословакии был также и министр-президентом Чехословакии, я узнал, почему чехи отбрали от народа церкви в Рахове и Керетках.

Годжа, который хорошо знал Бенеша и глубоко презирал его, не согласился принять участие в заграничном правительстве и поэтому не уехал в Лондон, а остался в Нью Йорке,

где я с ним часто встречался. Я уже упомянул о том, что мы с ним были давно знакомы. Находясь в Нью Йорке и не признавая бенешовское правительство, д-р Годжа разговаривал со мною совершенно откровенно. Я его, между прочим, спросил и о том, что произошло в Рахове и в Керецких и почему это случилось. И он мне сказал без обиняков, что все это было сделано под давлением клерикальной римокатолической партии, голоса которой были нужны правительству Масарика и Бенеша

в пражском парламенте. А когда я его спросил, почему в Керецких поступили таким зверским образом, и притом в воскресенье во время богослужения, почему даже убили человека и выволокли священника из алтаря, он мне сказал: „Это объясняется очень просто. Хотели показать православному русскому населению, что оно совершенно незащитно“. Вот это его слова.

А. Геровский

ЗАМЕТКИ ИЗГНАННИКА

В Германии последняя ведьма была сожжена в 1749 году; в Англии — в 1716 г.; в Шотландии — в 1722 г. Законы против ведьм отменены в Англии только в 1736 г.

ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИИ ПО СТАТИСТИКЕ 1915 г.

К началу 1915 г. насчитывалось 135,228 учебных заведений, свыше 9 миллионов учащихся. Высших учебных заведений было не менее 100. Многие из них по своему уровню могли составлять гордость самого передового государства. Россия стояла на первом месте в мире в отношении женского образования, — высшего и среднего. Грамотность призывников в 1919 г. в многих местах составляла около 90 процентов.

Смета Народного Просвещения в 1894 г. — 25 мил. рублей. В 1913 г. — 170 мил. рублей.

Другими ведомствами расходовано: на нар. просвещение в 1913 г. 65 мил. рублей. Земствами расх. на нар. прос. в 1913 г. 90 мил. рублей.

В 1914 году было выпущено 33.338 названий, из них 6,817 на языках народов, живущих в России.

С. Медвецкий

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

...Я пролежал в больнице ровно восемь месяцев — лечил легкие. Познакомился там с двумя больными, русского происхождения. Боже, до каких глубин моральных пала часть русской эмиграции. Один из моих новых знакомых — член „Свидетелей Иеговы“, вскоре умер. Второй — по его словам, сын православного священника на Дону. В Мюнхене живет он в доме „Римского патриархата“. Платит за комнату всего 15 Дм., хотя такая комната в городе стоит 120 Дм. в месяц. Как католик восточного обряда, получает материальную помощь от какой-то католической организации в Лондо-

не. Сотрудничает в предательской шпаргалке „Наше общее дело“ — очевидно, предательское, где никто из авторов не подписывает своей статьи. В каждом русском, не потерявшим национального достоинства, восточнообрядец видит врага. Настоятель церкви „Римского патриархата“ — волк в овечьей шкуре, как я сам заметил, навещает этого негодяя в больнице. Ненависть этого негодяя к русским психологически мне понятна. Ренегаты и яничары ненавидят тот народ и ту веру, из которой они ушли. Пример — галицкие „украинцы“...

...Когда после унии в 1596 г. униатские и католические епископы преследовали православный народ, не желавший принять унии, разрушали их церкви, народ отвечал на это резко: убивал епископов (Иос. Кунцевича), убил Боблю. Труп поганый Кунцевича народ бросил в Двину. Теперь вера оскудела и то по причине своей иерархии. Теперь не реагируют как прежде, а уходят в секты или вообще из ограды церковной. Ведь юрисдикции не дело верующих. Дело это вызвано гордыней иерархии, властолюбием и сребролюбием недостойных епископов...

С. Медвецкий

КАРПАТОРУСАМ

Посв. У. Ш.

Вы дети дальних брызг народа нам родного,
Себя сплели вы с нашею судьбой
Не в светлый час, в час испытанья злого,
Под грозный бури блеск, под грохот грозовой.
Мы вместе учимся священному уменью
Борьбы, молитвы, веры и труда,
Чтоб вместе нам дождаться воскресенья
Любимой родины — единой навсегда.

А. Нельской

ЧЕМУ НАС УЧИТ ВЬЕТНАМ

Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников.

(Рим. 2. 24)

Весною этого года в Вьетнаме, в южной Азии, произошли столкновения между римокатолической церковью и буддистами. Кажется очень странным, что после знаменитого Ватиканского собора, окончившегося в декабре прошлого года, на котором была провозглашена свобода совести, — могло случиться такое насилие именно над человеческой совестью. К чему было самому покойному папе Иоанну XXIII объявлять энциклику, в которой он говорит о том, чтобы всюду соблюдалась свобода совести и чтобы всем представлена возможность молиться согласно своей совести, не только частным образом, но и открыто, во всеуслышание.

Столкновение произошло в начале мая, когда вьетнамское правительство запретило буддистам вывешивать в определенные дни, в праздники буддистов, свои буддистские флаги, как это делалось всюду в Азии, где живут буддисты, в течение многих столетий. Необходимо отметить, что в Вьетнаме 15 миллионов населения, из которого только десять процентов римских католиков. Эти римские католики были обращены в католичество в то время, когда Вьетнам был французской колонией. Подобно тому, как в свое время в Западной Руси местная аристократия была совращена в римское католичество и ополячилась, так же и в Вьетнаме во время французского владычества были переведены в римское католичество верхние слои общества, так что теперь в почти чисто буддийской стране все члены местного правительства во главе с президентом — римские католики. Президент римокатолик, его брат — архиепископ местной римокатолической церкви.

Когда было издано распоряжение, запрещающее вывешивать в буддийские праздники на буддийских храмах церковные флаги, местное население устроило мирные демонстрации, без каких бы то ни было насилий, так как буддисты, наподобие Ганди, не признают никаких насилий. Но президент Нго Дин Дьема послал свои войска, которые стреляли в демонстрантов и убили, согласно сообщению газет, не меньше двенадцати человек. После этого буддисты в городе Сайгон решили устроить новую, еще более внушительную мирную демонстрацию. С народом появилось много буддийских монахов и старший из них, семидесяти трех летний старик, пошел на середину площади, которая была окружена народом и сел. За ним появился другой монах, который облил

старика бензином, а сидевший монах, решивший пожертвовать собой ради протеста, зажег бензин и в течение нескольких минут он сидя прямо, не издав ни единого звука, сгорел. Когда об этом сообщили президенту, то согласно сообщениям газет, президент сказал: „Я жалею“.

После этого вмешались местные американские воинские власти. Приходится сказать, что в Вьетнаме в настоящее время находится двенадцать тысяч американских солдат с той целью, чтобы защитить южный Вьетнам от коммунистического северного Вьетнама, который постоянно старается завоевать южный Вьетнам. Американцы не могли не вмешаться в это дело, так как невмешательство оттолкнуло бы от Америки все азиатские некоммунистические народы. Это, конечно, не понравится Риму.

Несмотря на американское вмешательство, травля буддистов продолжается. В начале августа с. г. все газеты мира сообщили о новом самосожжении молодого (24 лет) буддийского священника. Ватиканский молох жаждет крови.

Заявление президента Вьетнамской республики: „Я жалею“ напоминает слова папы Пия XII, который после того, как к нему обратилась американская русская православная церковь с протестом против гонений, которым подвергалась русская православная церковь в Польше, тоже сказал, что он „огорчен“.

Этот инцидент, который в Америке уже забыт, настолько показательный, что мы приведем некоторые данные о нем. В 1938 году в Холмской епархии в течение трех недель в июне-июле месяце, польскими властями, при согласии католической церкви, было разрушено сто четырнадцать православных русских храмов. Римокатолическая церковь не только была заранее осведомлена о том, что собираются делать польские власти, но она постоянно подстрекала польское правительство и общество на подобный шаг.

Так как польскими властями было запрещено опубликовать обращение православной церкви в Польше к своей пастве по этому поводу, то русская православная церковь в Америке созвав собор епископов, обратилась письменно к папе римскому прося его принять надлежащие меры и воздействовать как на гражданские, так и на церковные власти в Польше, чтобы подобного рода поступки больше не повторялись. На ответ пришлось ждать... шесть месяцев. Наконец Православная Русская Церковь обратилась к Чиконьяни, представителю папы в Чикаго (теперешнему кардиналу в Риме), который че-

тыре месяца спустя после того, как получил последнюю телеграмму от Русской Церкви, уведомил ее, что он получил ответ от святого престола. В этом ответе сообщалось, что как только святой престол узнал о разрушении православных храмов в Польше, он принял меры для того, чтобы... высказать свое неудовольствие. И это было все.

События в Вьетнаме являются доказательством того, что все прекрасные слова, произнесенные на втором Ватиканском соборе, а также в папской энциклике „Мир на земле”, являются только пустыми словами и что в конечном итоге ничего не изменится. Римская церковь будет стоять на той же самой точке зрения, на которой она стояла в течение столетий. В этом не может быть ни малейшего сомнения. Ватиканский собор рекламировался и восхвалялся во всех почти газетах, на всевозможных языках и во всевозможных странах, а папская энциклика „Мир на земле”, вызвала телячий восторг почти у всех. Был ли этот восторг настоящим или только притворным, ради достижения каких либо целей, вроде удовлетворения читающей католической публики, мы не знаем, но среди хваливших эту энциклику были также многие протестанты, которые очевидно искренно верят словам энциклики, но которые, повидимому, мало знакомы с римокатолической терминологией и поэтому совершенно упускают из виду то, что римская терминология не совпадает с терминологией большинства людей, так же, как и коммунистическая. Так, например, у коммунистов слова „свобода” и „демократия” обозначают совершенно не то, что мы подразумеваем под этими словами. А у Рима есть гораздо большее количество таких слов, которые звучат прекрасно, но имеют совершенно иное значение чем у обычных смертных. Даже такие слова, как „свобода совести”, „свобода” вообще, и „совесть” вообще, — у католиков имеют свое особое значение. Стоит только прочесть то, что в течение больше ста лет пишется о „свободе совести” в папском журнале „Civiltà Cattolica” который сто с лишним лет тому назад был основан папой Пием IX, объявившим себя непогрешимым. Редакторы этого журнала назначаются папой, и все папы без исключения, до сих пор подчеркивали что „Civiltà Cattolica” никогда не ошиблась, толкуя доктрину римской церкви. Так же и последний папа, Иоанн XXIII, вскоре после своего „воцарения”, принял редакторов „Civiltà Cattolica”, похвалил их, и заявил им, как все его предшественники, что журнал этот никогда не ошибся. И вот, согласно толкованию журнала „Civiltà Cattolica” знаменитые слова: правда, милосердие и справедливость имеют совершенно иное значение, чем у обычных смертных.

Правда — это то, чему учит римокатолическая церковь; **справедливость** все то, что делает римокатолическая церковь для распространения „истинной” веры Христовой не земле, для распространения царства Божия, то есть, земного царства папы. А **милосердие** обозначает все то, что римокатолическая церковь делает для искоренения всяких ересей, ибо это делается ради спасения душ и для того, чтобы хорошие, истинно верующие католики не подвергались соблазну. При чем „Civiltà Cattolica” не раз объясняла, что все наказания, которые применялись римокатолическою церковью, также и телесные наказания, и конфискация имущества — все это надо считать „духовным наказанием” ввиду того, что цель их духовная. „Civiltà Cattolica” неоднократно подчеркивала, что римокатолическая церковь не пользуется теперь всеми теми средствами, которыми пользовалась инквизиция, только потому, что в настоящее время люди не поняли бы значение этих наказаний, но что это не обозначает, что римокатолическая церковь отказалась от своего права применять эти наказания. И это сказано, между прочим, в одном из номеров „Civiltà Cattolica” за 1948 г., во время царствования папы Пия XII.

Необходимо указать еще на одно обстоятельство, а именно, на то, что папа римский, покойный Иоанн XXIII, у которого может быть было доброе сердце, почему то не пользовался своими правами для того, чтобы провести в жизнь все то, чему он учил на словах. В энциклике „Мир на земле” он настаивает на том, чтобы всем была предоставлена свобода личности, свобода совести и т. д. Но все это осталось только словами. Не подлежит никакому сомнению то, что продолжение собора в конце этого года кроме пустых слов не даст ничего. Мы находим совершенно неопровержимое доказательство этого в том, что было напечатано в журнале „Америка” в виде интервью с кардиналом Сири, архиепископом Миланским. В этом интервью было объяснено, что такой кардинал Сири, а именно, что он очень близок к папе и что папа поручил ему составить дневник собора. В том интервью кардинал Сири сказал, что многое из того, что написано в его дневнике, пока еще не подлежит опубликованию и должно оставаться секретом. Он подчеркнул, что были моменты, когда он ясно чувствовал присутствие на соборе Святого Духа. И вот этот кардинал Сири, который считался одним из кандидатов в папы, заявил, что ошибаются те, которые думают, что собор изменит что-либо из доктрины католической церкви. В особенности он подчеркнул, что собор в сущности не имеет никакого значения, что решения и мнения епископов не могут изменить ничего, что

все зависит единственно от папы и что церковь без епископов может существовать, но без папы, без его единоличного ведения, пропадет все христианство. Таким образом совершенно ясно, что все прекрасные слова о свободе, правде и любви — пустые слова и останутся пустыми.

Покойный папа, который прекрасно знал свои права, мог перед смертью, а ведь он знал по крайней мере за год до своей смерти, что ему долго жить не придется, приказал всем своим епископам чтобы они перестали преследовать протестантов и православных и чтобы они вообще перестали преследовать всех других. Он мог приказать своим епископам, архиепископам и кардиналам в Испании, чтобы они разрешили как протестантам, так и православным иметь церкви и чтобы они не были принуждены скрываться в частных домах. Существует православная часовенка в Мадриде, о которой архиепископ Санфранциский Иоан, который бывал в Мадриде, недавно написал в одной статье в Н. Р. С., что православные люди не имеют права водрузить крест на эту часовенку. Когда несколько лет тому назад архиепископ Иоанн проезжал через Испанию, в вагоне к нему подвели молодые римокатолические священники, которые видя, по его одеянию, что он не римокатолик, очень заинтересовались им и пригласили его в Мадрид, чтобы он там прочел им лекцию о православной церкви. Ар-

хиепископ Иоанн хотел это сделать, но его вызвал к себе римокатолический архиепископ и в присутствии пригласивших его молодых священников в очень резкой форме сказал Иоанну, что он не допустит в Испании никакой схизматической пропаганды. В Испании как протестантам, так и православным не разрешается хоронить своих мертвых публично. Они их должны хоронить тайком так чтобы никто не видел, что они существуют. Еще хуже католики поступают в Южной Америке, в особенности в Колумбии, которая получает миллионы и миллионы от Америки для помощи нуждающемуся населению. Там разрушают протестантские храмы, происходят столкновения, в которых протестантов убивают и т. д. Папа римский мог бы великолепно приказать своим римокатоликам, римокатолическим епископам Южной Америки, Испании и Вьетнама прекратить эти гонения и дать свободу совести как православным, так и протестантам. При этом не лишне будет упомянуть о том, что даже в коммунистической Польше римская церковь старается истребить даже русских униатов. Например, в западной Галичине униатские храмы, которые были в Перемышлю и Сяноке, захвачены римокатолической церковью и живущие там русские униаты не имеют своих церквей. Они должны ходить в католический костел или вообще не ходить в церковь.

О. Р.

Но и в отчаянье не опускают руки русские люди. Держатся твердо. Берят, все к лучшему. Не может земля вечно на бедах стоять.

Застилает глаза дрожащая пелена. Но этих слез не стыдно.

Не стыдно плакать за христианский народ, за родную, прекрасную, измученную, но славную, гордую землю.

И верится — не пропадет она! Нет! Не пропадет!

Не для того дивно изукрашена она лесами дремучими, лугами сочными, пашнями и городами цветущими!

Не для того.

Из книги „РУБЛЕВ”,
Владимира Прибыткова,
стр. 139. Москва — 1960

И мы тоже верим, что „не может земля вечно на бедах стоять” и знаем, что автор заставляет плакать своего героя (Рублева) о судьбе русской земли XIV-XV ст. потому, что и сам он скорбит о судьбе русского народа и Русской земли наших дней.

Александр Котомкин

СВЯТОЙ ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН

Спустилася ночь над великой Москвою,
Пируют враги за Кремлевской стеной, —
В сыром подземелье, терзаем тоскою,
Горюет Святитель над Русской страной...

Дрожащей рукою он грамоту пишет
При трепетном блеске печальной луны,
И каждое слово отвагою дышет,
Горячие строки призыва полны...

— „Русь, встань на защиту за Веру и Право!
Взгляни — погибает Родная Земля,
Спешите-же, братья, к Столице Державной,
Да будет вам силой молитва моя!”

Он умер бесстрашно, под тяжестью плена,
Храня до кончины заветы свои...
Уже-ль мы забыли заветы Гермогена,
Борца и защитника Русской Земли...

Из сборника „За Россию” — Париж 1927.

ОБЛИК СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Демократия прошла мимо, не удосужилась понять и оценить слова Иисуса Христа: **И познаете истину, и истина сделает вас свободными**". (Иоанн 8. 32). А свобода без познания Истины, свобода, на которой не почил Дух Господень, есть лже-свобода, свобода от лукавого, на которую, как на лакомую приманку, клюет толпа, подонки, но эта свобода освобождает людей лишь от всех нравственных обязательств, когда все можно, все дозволено. Вот почему оказалось морально допустимым для правоверного католика, демократа, президента США, как и для правоверной протестантки королевы демократической Англии не только пожимать руку крозавому палачу русского народа, но и получать от него подарки и взамен дарить ему и всей своре.

Я знаю, как такие знаки внимания, оказываемые князьями мира сего, явным душегубам и убийцам миллионов русских людей ни в чем неповинных, глубоко оскорбляют и возмущают всех честных людей вообще, и нас русских православных, в особенности. Все наши протесты и укоры остаются гласом вопиющего в пустыне по той причине, что демократии всех оттенков и всех разновидностей, насаждая и культивируя свободу, помышляли не о горнем, а исключительно о земном. Вот почему для любого демократического вождя и вожденка все можно и все дозволено.

Сам папа не только благосклонно принимает комплименты, отпускаемые Хрущевым в его адрес, но счел для себя морально возможным пригласить на Ватиканский Собор, в качестве наблюдателей, представителей церкви, подвластной во всех отношениях не Господу Богу, а язвному атеисту, богохулителю, богоборцу Хрущеву, безбожной коммунистической партии и так называемой советской власти. Более того, папа даже дружески тепло принял коммунистического посланца, безбожника Аджубея и его жену, дочь Хрущева. Папа ведь обо всем прекрасно осведомлен. Казалось бы, именно папе подобало бы указать этому доподлинному представителю глубин сатанинских, что для него является величайшим оскорблением иметь какой бы то ни было контакт с этим исчадием ада, а паче того, принимать от него похвалы и комплименты...

Но... после кровавой бани, организованной Ватиканом русским православным людям в только что созданной Польше Пилсудского и на много превосходящей ее бойни в Хорватии, где были убиты сотни тысяч православных сербов, сотни священников и четыре епископа, при недоброй памяти гитлеровского и папского холопа Павелича, — папа лишен всякой возмож-

ности сказать Хрущеву в глаза правду-матку, ибо Хрущев может припомнить ему злодеяния Ватикана. Скольким разным папам, в разное время загубили православных христиан, Ты Один, Господи, веши....

...Но уверяю вас, что вся шумиха, вся эта самореклама нашей эмиграции о какой-то якобы значимости ее в деле борьбы со зверем из бездны, воцарившимся на земле отцов наших, не стоит одного даже эпизода, не так давно имевшего место в советском „народном” суде. Судили десятилетнюю девочку, бросившую школу. Чтобы всецело посвятить себя служению в церкви.

Я был до глубины души потрясен и до слез растроган поведением на суде этой десятилетней, но духовно полноценной православной русской девочки. Войдя в зал суда, эта крошкучка-мученица, как бы не замечая своих мучителей, извергов-судей, не усташась жутко-зловещей обстановки этого, поистине дьявольского судилища, прежде всего обратилась к Востоку, истою осенила себя крестным знаменем и во всеуслышание произнесла всего лишь три слова: „Помоги мне, Господи!” И ни судьи, ни ее „защитник” больше не смогли добиться от нее ни одного слова. В этой коротенькой фразе величайший смысл, а именно: „Святой Руси быти”. А все мы, русские люди, борцы за Русь Святую, должны понять, что только „сим победиши”. Размышляя о поступке, вернее о подвиге девочки-героя, мне вспомнилось предсказание поэта Вс. Волошина:

— Из преступлений, иступлений —
Возникает праведная Русь.

Конечно, о сроках ведает один Всевышний Бог. Поистине, „Пути Господни неисповедимы”, ибо „Дух дышет, где хочет”.
(Франция)

А. А. Гусский

„Беды настигают нашу Россию и с ней весь мир, и эти беды будут следствием упадка веры в Промыслителя Бога. Близятся лихие времена на Руси: блеск земной славы, земного суемудрия затмит разум, слово истины будет в поношении. И тогда прообраз ада откроется на земле. Люди, как и когда-то, на заре христианства, будут претерпевать муки за имя Христово. Бог отдаст людей, отпавших от Него, на мучение сатане — на срок, по исполнению которого за веру встанут из народа неизвестные миру и восстаноят поправное”.

Протоиерей Левашов,
современник Николая I.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Глава из готовящегося к печати исторического романа „Богатыри проснулись”.*)

„Хочу вам, братие, о брани поведати и новые победы, како случися на Дону великому князю Дмитрею Ивановичю и всем руским христианам с поганым Мамаем и с безбожною ордой. И возвыси Бог род православый, а поганых уничижи и посрами, яко же в прежняя времена помог Гедеону над медиамы, а преславному Моисею над Фараоном.”

„Сказание о Мамаевом побоище”,
(повесть начала 15 века)

Всю тяжесть первого удара принял на себя Передовой полк. Справа и слева от него были овраги, которые не позволяли татарам хлынуть на русское войско всею своей подавляющей массой, покуда этот полк закрывал проход. Тут завязалась жестокая и стремительно-быстрая сеча, но, несмотря на огромные потери, русские более получаса держались стойко, не подавшись и шагу назад. Но вскоре генуэзская пехота Мамаля, перебираясь через овраги, начала с боков засыпать их стрелами; спереди татары напирала стеной, драться приходилось в невообразимой тесноте, — по словам летописцев, не было места куда упасть мертвому, — и Передовой полк был смят. Потеряв убитыми много тысяч бойцов, а из воевод — князя Федора Туровского, он откатился назад и смешался с Большим полком, стоявшим за ним.

Десятки тысяч ордынцев устремились теперь в открывшийся проход между оврагами и главными своими силами обрушились на Большой полк. Но одновременно ударили они и на полк Правой руки, в попытке его опрокинуть и с этой стороны зайти в тыл русскому войску.

Огромное сражение стремительно развивалось. Обе стороны дрались с предельным ожесточением, вначале, — пока место не освободилось за счет павших, — почти в такой же тесноте, как в Передовом полку, ибо для сотен тысяч сражающихся не хватало ширины поля. Русским это было на руку: они могли успешно отражать противника, наседающего спереди, не опасаясь фланговых ударов.

Стоя на невысоком, плосковерхом бугре, в центре Большого полка, Боярин Бренко с трудом подавлял желание покинуть свое место под государевым знаменем и устремиться в сечу. Но помня наказ Дмитрия, да и сам понимая,

что не только свои, но и татары его видят и принимают за великого князя, — он все же оставался у стяга, с замиранием сердца наблюдая ход сражения. Оно шло почти на сотню шагов впереди, медленно, но неуклонно приближаясь, по мере того как ординцы врубались в гущу москвичей и коломенцев, стоявших в первых рядах Большого полка.

Но видит Бренко: дорогою ценой платят поганые за каждый шаг, — крепко стоят москвичи и коломенцы! Второй час уже ломит на них неиссякаемая сила орды, — один басурман падет, а на его место, ровно из-под земли, вырастают двое других; звенит поле сталью, вскидываются на дыбы кони, стонет под их копытами земля; раскалывая щиты и пронзая груди, мечутся, искрятся на солнце, окровавленные жала копий; взлетают над головами клинки и палицы, растут груды мертвых тел, — их уже, местами, и конь не перескочит, а русские всего чуть подались назад.

Вот четверо татар теснят славного богатыря Григория Капустина. Но, видать, невдомек им на кого наскочили: первого поддел он на копье и сорвав с седла, швырнул через голову, ровно сноп жита; двух других положил мечем, а последний, — не углядел Бренко куда и подевался. А Капустин уже спешит на выручку к воеводе Андрею Шубе, которого с трех сторон обступили татары. Знатно бьется воевода, немало ворогов наложил уж вокруг себя, но не впрок ему стал богатый фряжский доспех: все больше собираются возле него татары, — по убранству видят, что это важный начальник и облепили его, как мухи патоку. Вот уже срубили Шубе альгй еловец, еще минута и шлем с него упал, сбитый копьем. Кровью залилось лицо, но еще держится воевода. Посплет ли Григорий? — Попал он в самую гущу, но прет как таран, кулями валятся обочь его поганые.

— Подержись еще малость, Андрей Федорович, ужотко я здесь! — крикнул он. Но уже не дослышал слов этих Шуба, сразила его татарская сабля. Наддал из последних сил Капустин, отеснил ордынцев, чтобы не добились воеводу, коли еще он жив. Наклонился на миг с коня, — воеводу смерть увидел, а свою проглядел: не упустили басурманы минуты, — разом вогнали в него три копья.

*) Предыдущая глава, „Поединок Пересвета с Челибеем”, была напечатана в № 41-42 нашего журнала.

**) Еловец — украшение из лоскута цветной ткани, кожи или перьев, прикреплявшееся к острию шлема.

Перекрестившись, Бренко обратил взгляд в другую сторону, где незадолго до того видел он рубившегося Микулу Вельяминова. Но его уже нигде не было видно и в этом месте татары изрядно продвинулись вперед. „Неужто и он пал?“ — подумал Бренко. „А Дмитрий Иванович где же? Его и не различишь в простой-то колчуге среди такого множества.“

Михайла Андреевич начал искать глазами и вскоре ему показалось, что в одном высоком воине, бившемся спиной к нему, он узнает великого князя. Но взглядеться хорошо не успел, ибо в ту самую минуту москвичи дрогнули и все разом побежали назад. По орде раскатился торжественный рев и Бренко неожиданно увидел совсем близко от себя скуластые лица татар, распаленные яростью боя.

— Михайла Андреевич, — крикнул выросший перед ним Кутузов, — как повелишь со стягом? Его бы увезти немедля, иначе возьмут поганые!

— Стяг оборонять будем, — ответил Бренко, обнажая меч. — Где он поставлен, там ему и стоять, куда хоть кто из нас жив. Опамятуйтесь, братья! — крикнул он во весь голос, выезжая вперед. — Ужели отдадим нехрестям нашу святыню и себя осраим? Поглядите округ: русские полки стоят крепко, только вы бежите! А ну, с Богом и дружно, — все на орду!

Ему удалось остановить бегущих и возле стяга началась лютая сеча. Татарские военачальники и беки,¹⁾ опережая рядовых ордынцев, со всех сторон устремились к бугру, на котором стоял Бренко: принимая его за Дмитрия, каждый из них думал теперь о щедрой награде и славе, которые ждут того, кто привезет Мамаю голову русского государя и его черное знамя.

Но лучшие московские витязи тоже спешили отовсюду на помощь Бренку. Покуда еще было время оглядываться, повел он глазами вокруг себя и близко увидел Ивана Драницу: воевода, лицом красный как свекла, пробивался к нему, лихо работая своим тяжелым клычем; чуть поодаль, бок о бок лომились сквозь татар Тимофей Вельяминов и Семен Мелик, а за ними, клином, с пол-ста воев. Хоть бы успели! Но тут, шагах в десяти от себя и чуть в стороне, Бренко негаданно увидел Дмитрия. Он отбивался мечом от двоих теснивших его ордынцев и в этот самый миг, когда Бренко глянул, — одного из них распластал мало не надвое. Дру-

¹⁾ Бек — князь. Титул этот указывал на принадлежность к княжескому роду, тогда как княжеский титул эмира в эту пору часто присваивался и вельможам даже не знатного происхождения, по должности.

гой взмахнул было саблей и не сдобровать бы князю, кабы тут же не поддел поганого снизу копьём какой-то пеший воин. „Кажись, Васюк Сухоборец,“ — подумал Бренко, но что было дальше, уже не увидел, потому что тут на него самого налетели татары.

Телом могуч и в бою искусен Михайла Андреевич, против троих-четверых биться ему бы ничто. Но сейчас насело на него разом не меньше десятка. Двоих он посекал быстро, сам получив лишь легкую рану в щеку, изловчился было и на третьего, но тут закололи копьём его коня и Бренко упал наземь. Татары рванулись к нему, но на пути им встал Иван Кутузов, секунду спустя подошел Драница и они вдвоем сдержали натиск, покуда Бренко выбирался из-под туши коня. В тот самый миг, когда встал он на ноги, пал с рассеченной головой Кутузов. Бренко занес ногу, чтобы вскочить на его коня, но тут ударили его самого копьём в бок и он снова упал. Однако рана была не смертельна, — приподнявшись и силясь встать, он еще увидел, как подняли на копья Драницу, потом трое татар, соскочив с коней, кинулись к нему. С другой стороны, с палицей в руке, путаясь в полах схимы, подбегал иннок Ослабя.

— Это тебе за брата, поганый! — прохрипел он, опуская палицу на голову первого татарина. — Молись за меня, отче Сергей! — и разможил голову второму. Но тут сабля третьего сразила его самого. Обливаясь кровью, он выронил палицу и гдузно повалился на Бренка.

Михайла Андреевич, лежа навзничь, слабеющей рукой попытался спихнуть с себя мертвое тело. Но не успел: холодное лезвие копья, дробя зубы и обрывая жизнь, вошло ему в рот, пригвоздив к земле.

С победными криками ордынцы ринулись к государеву знамени. Только один из них, прыгнув с лошади и на ходу вытаскивая нож, подбежал к телу того, кого принимал за князя Дмитрия. Но сорвав шлем с головы убитого и взглядевшись в изуродованное ранами лицо, он отпрянул, с криком:

— Это не он!

— А ты сюда погляди! — раздался сзади насмешливый голос. Татарин быстро обернулся и в чернородном всаднике, который в это мгновение мечем снес ему голову, еще успел узнать русского великого князя. Узнал его и Дмитрий: это был Борак-сеид, месяц тому назад приезжавший к нему послом от Мамаю.

К знамени, укрепленному на бугре, между тем подскакали одновременно с пол-сотни татар и Семен Мелик со своими людьми. Сюда же спешил и Дмитрий, а с ним вои Гридя Хру-

лец, Васюк Сухоборец и с десятков других, но возле самого бугра налетели на них Мамаевы косоги²⁾ и пришлось с ними биться.

За государев стяг сражались на пределе ярости. Тут иступленно секлись и конные и пешие; раненные и сбитые с коней, катались в обнимку по земле, давя и терзая друг друга; оставшиеся безоружными, дрались ногами, обломками щитов и копий, с разбега били противника головой в живот...

Наконец одному из татар удалось перерубить саблей древко знамени и оно упало на землю. Несколько минут возле него шла кровавая свалка, в которой ничего нельзя было разобрать, потом черно-золотое полотнище снова взмыло над бугром: воевода Семен Мелик высоко поднимал его одной рукой, — в другой был меч, которым он отбивался от ордынцев. Но их набегало сюда все больше, вокруг бугра они в неудержимом порыве теснили москвичей, которые со смертью Бренка, снова начали откатываться назад. Прошло немного минут и пал храбрый воевода Мелик, пронзенный копьём; с разрубленной головой лег на него юрьевский смерд Степан Новосел, подхвативший падающее знамя; саблями иссечен боярин Тимофей Вельяминов, приспевший было на помощь. И орда с торжествующим ревом хлынула через бугор. Казалась, еще немного и Большой полк будет разрезан надвое, но в этот миг ударили сбоку владимирцы.

Оказавшись в задних рядах русского построения, они до сих пор не участвовали в битве. Но теперь, когда частью перебитые, частью схлынувшие москвичи освободили им место, они всю свою нерастрченную силу обрушили на зарвавшихся ордынцев.

На бугре возобновилась злая сеча. Уже почти на вершине его нашел славную смерть наибольший владимирский воевода, боярин Иван Окатьевич Валуй. Но племянник его Тимофей пробился к поверженному знамени и поднял его над сражающимися. По русским рядам, ширясь и вливая в сердца отвагу, прокатился победный крик. Татары отступали, не прекращая жестокого сопротивления. Снова, нахлынув массой, они попытались повалить русский стяг. Тимофей Валуевич успел передать его двум подбежавшим воинам, чтобы, привязав перерубленное древко к копьё, снова укрепили его на прежнем месте, а сам стал впереди, прикрывая их. Шесть или семь татар обступив молодого воеводу, сыпали на него сабельные удары. Он отбивался ловко, пока мог, но скоро ему отрубили руку и он упал. Подбежавший дворецкий его, Иван Кожухов, заслонив своего господина, вступил в неравный бой с татарами.

²⁾ Косоги — черкесы.

Двоих он успел убить, прежде чем остальные изрубили его в куски, а потом прикончили и раненного Валуевича.

Но от знамени их сейчас отбросили набежавшие владимирцы. Москвичи и коломенцы, ободрившись, снова крушили ордынцев с другой стороны. Позади врубившегося в Большой полк лучшего татарского тумена, русские ряды сомкнулись и тумен этот был уничтожен до последнего человека. Остальные отхлынули и после страшного трехчасового боя, русские, наконец, смогли перевести дух и осмотреться. Потери их были очень велики, — во многих сотнях осталось по двадцать-тридцать человек; из московских воевод, в центре уцелел один Иван Квашня и начальство над Большим полком принял князь Иван Васильевич Смоленский. Зная что сражение вот-вот возобновится, он приказал трубить сбор и приводить оставшихся людей в порядок.

Еще раньше была отбита атака орды на полк Правой руки. Здесь татары всю силу удара сосредоточили на правом крыле, рассчитывая вдоль берега речки Нижний Дубняк, прорваться в тыл русскому войску. Но стоявшие тут угличане уперлись крепко и дрались с предельным мужеством. Из шести угличских князей, в этой битве пали пятеро,³⁾ а с ними и князь Семен Стародубский; полегло больше половины воинов-угличан, много ярославцев и стародубцев, но опрокинуть их татарам не удалось и в конце второго часа сражения, они отступили.

Затишье продолжалось не долго: теперь Мамай обрушил все силы орды на полк Левого руки, приказав своим темникам сбить его любой ценой и с этой стороны выйти в тыл Большому полку.

Первый удар стоявшие здесь белозерцы выдержали не дрогнув, но татары, не считаясь с потерями, бросали в битву все новые тумены и с каждой минутой сеча становилась все более кровавой и напряженной. И воины, и воеводы Левого полка сражались с беспримерной доблестью, о жизни своей никто не думал и никто ее не жалел, — лишь бы не пропустить врага.

Вот, заметив, что в одном месте татары прорвали русские ряды и врубаются вглубь, бросился на них московский воевода Иван Семенович Мороз, с сыновьями Фирсом и Львом да с десятком всадников. Они сдержали натиск, куда оправились и подоспели люди другие, но сами все были изрубаны; Пал смертью храбрых старый князь Федор Романович Белозерский, не надолго пережил отца и князь

³⁾ Князь Роман Давидович и его сыновья: Иван, Владимир, Святослав и Яковь.

Иван; без счету полегло и простых воев, — имена же их записаны у Бога в золотой книге славных, — и поредели ряды Левого полка, как колосья под градом.

Видя, что взликовали татары и рвутся вперед, собрал князь Глеб Иванович Друцкой вокруг себя сотни три воев, кои были поближе и кинулся с ними, без страха, смерти навстречу. Сам он схватился с татарским темником, долго с ним бился, — ловек и силен был поганый, но когда одолел его князь Глеб и оглянулся, никого уже не увидел из своих воев, — кругом были татары. И сложил свою голову князь Глеб в неравном бою.

Когда уж иссякли последние силы белозерцев, подошел к ним на помощь Запасный полк и сеча разгорелась яростней прежнего. Но Мамай, окрыленный успехом, не жалел людей, — татары шли вал за валом и казалось, их уже ничто не может остановить. Под их бурным натиском Запасный полк таял, как льдина на солнце, хотя и сражался доблестно.

Рубясь в первых рядах, сложили здесь свои седые головы князья Федор и Мстислав Тарусские. Видя смерть стариков, возгорелся гневом князь Андрей Константинович Оболенский и дал себе зарок: за каждого из дядей убить по три татарина, или самому живу не быть. Ростом невелик, но ровно из стали вылит князь Андрей и в бою искусен. Летает он по полю на быстром коне, словно ангел смерти, рдеет на солнце золоченый шлем, вьется над ним голубой еловец; где махнет саблею, там и валится татарин с седла! Вот уже троих срубил, — это за дядю Мстислава, и еще троих — за Федора, и еще двух, на додachu. Стал высматривать девятого и видит: лежит на земле сын его любимый Семен пронзенный копьем. Покачнулся князь Андрей, помертвел весь, медленно осенил себя крестом. Разве же за это троих убить? Тут и целой орды мало! Бросился он в самую гущу татар и рубил их, как исступленный, уже не считая, покуда его самого не забили копьями.

На исходе второго часа, сила левого крыла была сломлена и оно начало отходить к Непрядве, оторвавшись от Большого полка, который тоже отбивался от наседавших спереди татар, но стоял крепко. Заметив беду, приспел на помощь князь Дмитрий Брянский: остатки своей дружины, — несколько тысяч человек, уцелевших после битвы в Передовом полку, — он бросил в прорыв, пытаясь сдержать сокрушающий натиск орды. Но в короткое время половина брянцев была изрублена, остальные, истекая кровью, стали подаваться назад, смешиваясь с остатками разбитого Левого полка. И тут вдруг увидели великого князя: на самом берегу Смолки, под деревьями, он и еще

три воина, — один, как и князь, в колчуге, а другие два в тягиляях, — бились против десятка татар.

Притомился Дмитрий от долгой сечи, пот заливает и ест глаза, и не дает рука прежней силы, а дух перевести — минуты нет. Не один уж раз его бы настигла смерть, да видя что ослабел князь, крепко прилепились к нему эти три вои. — Сенька Быков, Федяй Зернов и Юрка Сапожник, — куда он, туда они, и дружно стоят за своего государя. Был еще с ними четвертый, Федор Холоп, да отлетела душа его к Богу: принял в грудь копьe, которое иначе досталось бы Дмитрию.

И плохо им тут пришлось: свалил одного татарина Дмитрий Иванович, но другой тут же выбил у него меч и замахнулся было саблей на безоружного князя. Но Юрка Сапожник не проглядел, — во-время отсек басурману руку. Соскочил Федяй Зернов на землю, поднял меч и хотел дать его Дмитрию, но в тот самый миг сразила его татарская сабля, а под государем пошатнулся конь и пал, придавив всадника. И хоть закрыли его собою Юрий Сапожник и Сенька Быков, — татары нахлынули разом, Быкова крюком сорвали с седла, Юрку подсекли, и один ударил копьем в бок силившегося подняться князя. Дмитрий снова упал и сотворив молитву, ждал уже неминуемой смерти, но тут подоспели два брянских витязя и не глядя, что татар на каждого четверо, смело ударили на них.

Дмитрий, лежа на боку, с ногой придавленной трупом лошади, — бессильный помочь или хотя бы подняться, — глядел на неравный бой, от исхода которого зависела и его собственная жизнь.

Один из брянцев, — крепкий и ладный старик, с почти белою, по грудь, бородой, — бился с ловкостью и умением, поразившим Дмитрия: только успели схватиться, а уж два татарина, с рассеченными головами, скувыркнулись под ноги его коня; не долго он маялся и с третьим, кинулся на четвертого, но тот повернул и поскакал прочь. Перевел дух старей богатырь, отер ладонью пот и обернулся на помощь товарищу. Но вдруг обронил саблю, качнулся и упал с седла: выцелил его стрелой отскакавший татарин, — вошла прямо в глаз!

Другой витязь, по виду литовец, — много моложе первого и телом крупней, — тоже рубился отменно. Он свалил двоих, осталось против него еще двое, но тут мимо них с победным криком хлынула в тыл русскому войску новая орда и все бывшие в поле татары поскакали за ней. Это Мамай, видя что левое крыло русских сломлено и осталось лишь завершить победу, бросил в прорыв несколько туменов свежей конницы, которую берег на крайний случай.

Литовский витязь высвободил Дмитрия из-под коня и пособил ему подняться на ноги.

— Ты крепко ранен, княже великий? — спросил он.

— Кажись, пустяк, похоже лишь кожу всполо, — ответил Дмитрий. — Ну, друг, спаси тебя Христос на веки! Не уйти бы мне тут от смерти. Как звать тебя, скажи?

— Мартос я, государь, а прозванием Погож, из дружины брянского князя.

— Добро, брате Мартос, тебя не забуду, коли жив останусь. А кто этот старый витязь, принявший столь славную смерть?

— Царство ему небесное, — перекрестился Мартос, глянув на тело товарища. — Экое горе будет нашему князю, сильно он любил старика. Это его давний дружинник, воевода Лаврентий Клинков. А родом он из Карачева.

Да упокоит его Господь со святыми и славными, — крестясь сказал Дмитрий. — Ну, а теперь, Мартос, садись на коня и скачи в дубраву, к Засадному полку. Скажи Вольнскому князю, либо Серпуховскому: пришло время!

— Лечу, княже. А ты как же? Хоть пособлю тебе на коня сесть.

— Не надобно. С раною пешим лучше: коли сомлею — присяду и отдохну. Подай мне вон ту палицу, она и к бою хороша и опереться на нее можно.

Исполнив эту просьбу князя, Мартос ускакал, а Дмитрий вошел в прибрежные заросли и сев под деревом, стал напряженно вслушиваться в звуки боя, который теперь переместился в тыл Большого полка.

Очень скоро он услышал то, чего ожидал: за Смолкою взревела боевая труба, тотчас возник и ураганом стал нарастать шум неисчислимого множества копыт, задрожала земля и вырвавшаяся из дубравы лавина Засадного полка ударила сбоку на орду, уже упивавшуюся победой.

Дмитрий стал на колени и глядел не на небо, как ему казалось, а на скакавшего впереди всех Серпуховского князя, несколько раз торопливо перекрестился. — „Господи, — прошептал он, — последнее даем и только от Тебя теперь чаем помощи! Непусти же чтобы погибла Русь!“

И поднявшись на ноги, он быстро пошел, почти побежал туда, где в эти минуты решался исход сражения.

Атака Засадного полка была сокрушающей, но в первое мгновение татары встретили ее стойко: они подумали что это лишь небольшой отряд, — остатки разбитого Левого полка, собравшиеся за Смолкой для последней попытки спасти положение русского войска. Но когда поле покрылось десятками тысяч всадников, а левая опушка продолжала, волна за волной, вы-

брасывать новые тысячи, — их охватила растерянность, обратившаяся в панику, когда кто-то крикнул: — „Аллах акбар! Убитые русы оживают и снова идут на нас!“ И орда обратилась в беспорядочное бегство.

Часть ее, отрезанная стремительным ударом Засадного полка, оказалась в тылу русского войска и побежала вперед, к Непрядве. Все кто не попал в окружение и Мамай впереди других, — бросая все и думая лишь о собственном спасении, устремились вон с Куликова поля, тою же дорогою, которой пришли. Большая часть Засадного полка, во главе с князем Боброком, кинулась в преследование и рубя бегущих татар, гнала их почти пятьдесят верст, до реки Красивой Мечи.

Но битва еще не была окончена: многие тысячи татар, отрезанные от бежавшей орды Мамай, продолжали отчаянное сопротивление; ибо пощады в этот день никому не было. И эта последняя фаза сражения, в которой покрыл себя славой князь Владимир Серпуховский, была хотя и недолгой, но чрезвычайно упорной и кровопролитной.

Вначале татары надеялись, что им удастся уйти вплавь через Непрядву и потому всюю своей массой хлынули к ней. Пробриться к реке им удалось без труда, потому что все русское войско оказалось позади них. Но крутой и покрытый непролазными зарослями ежевики берег почти не оставляя возможности спуститься к воде. Едва ордынцы начали прорубать в колючих зарослях проходы, — сзади на них обрушились подоспевшие части Большого полка, а сбоку, отрезая их от реки, ударили ростовцы князя Андрея Федоровича.

Поняв, что пытаясь в таких условиях продолжать переправу, все они будут изрублены, — татары теперь решили пробиваться из окружения и стремительно вырвавшись из готовых сомкнуться клещей, — бросились назад, к берегу Смолки, где преграждала им путь только небольшая часть Засадного полка, не ушедшая в преследование Мамай. Сплотив вокруг себя всех находившихся тут бойцов, князь Серпуховский, не ожидая удара, двинулся навстречу татарам.

Они дрались с отчаянием обреченных, но и русские, окрыленные победой, стояли крепко и тут завязалась жестокая сеча. В ней нашел свою смерть храбрый воевода, князь Юрий Мещерский; сам Владимир Андреевич, поспевавший всюду, где татары начинали одолевать, — вскоре был окружен со всех сторон небольшим числом воинов и бился из последних сил, уже не чая спасения. Казалось, еще миг и татары прорвутся, но подоспели сюда бойцы из других полков. Выручая князя Владимира, сложили тут свои головы подсакавшие первыми,

московские воеводы Иван Родионович Квашня и Андрей Серкизович, сын ордынского царевича. Вскоре татар взяли в крепкое кольцо и полчасу спустя, все они были изрублены.

Великая битва закончилась. Русь славилась победой.

И князь Владимир Андреевич приказал трубить сбор.

О ПИСАТЕЛЕ М. Д. КАРАТЕЕВЕ И ЕГО КНИГАХ

Редакция журнала „Свободное Слово Карпатской Руси” обращает внимание всех русских людей, которым дорога родная литература, на те огромные трудности, которые приходится преодолевать каждому зарубежному автору для издания своих трудов, и просит поддержать талантливого писателя М. Каратеева подпиской на его новую книгу.

Труды М. Каратеева, — правдиво, исторически безупречно и одновременно художественно освещающие наше славное прошлое, — имеют исключительную познавательную ценность и в то же время читаются с захватывающим интересом. Они пользуются редким успехом у читающей публики и вызвали восторженные отзывы критики. За пять лет, прошедших со времени выхода первой книги М. Каратеева, уже около сотни таких отзывов появилось в сорока различных печатных органах русского Зарубежья, — для начинающего автора, — явление не имеющее прецедентов в эмигрантской литературе.

Приведем здесь несколько скупых строк, — только квинт-эссенцию некоторых из этих отзывов:

„Поражает в романах М. Каратеева точность и обилие исторических материалов... Нужно отметить также литературный талант автора... Укажу еще одну черту, свойственную Каратееву: он умеет просто, без ложно-патриотического пафоса, показать качества русской народной души, чистоту ее и всестороннюю одаренность”. Ю. Терапиано, „Единение”, Австралия.

„Книга М. Каратеева „Карач-мурза”, — это желанная живая струя в тоскливом море полупокаянной литературы Зарубежья. Это голос далекой старины, но он звучит как ободряющий марш для тех, у кого еще хранится в сердце подлинная история России.” Д. Я. Шишкин, „Златоцвет”, США (Калифорния).

„М. Каратеев уже занял почетное место в плеяде наших исторических писателей и что очень ценно, он описывает времена о которых почти ничего не писалось... Книга замечательно интересна, увлекательна и читается она буквально запоем.” Журнал „Часовой”, Бельгия.

„Романы М. Каратеева тем замечательны, что в них дышит окрыленное созерцание интереснейших страниц нашего русского прошлого.

Чувствуется с непреодолимой ясностью, что талантливый автор — художник, от природы наделенный дивной способностью видеть это прошлое и рассказывать о нем красивым чистым русским языком.” М. М. Спасовский, „Знамя России” (США).

„М. Каратеев выделяется необыкновенной эрудицией в вопросах нашего далекого прошлого, необыкновенной способностью проникать в самые потаенные стороны нашего древнего быта и раскрывать его перед читателями в увлекательной форме. Г. Месняев, „Россия”, США.

„Роман Каратеева „Карач-мурза” полностью укрепляет за его автором право на звание лучшего исторического писателя русского Зарубежья. Его язык — это подлинный, благородный в своей простоте и чеканности бессмертный русский язык, который переживет и переборет все нездоровые уклоны современности и которому не страшна конкуренция всяческих модернизмов”. Ген. М. А. Юзефович, „Наша Страна”, Аргентина.

„Книга М. Каратеева — это родник кристально чистой воды, которую пьешь с наслаждением, — живая вода, исцеляющая наши недуги уныния, слабости духовной и телесной”. П. Анненков, „Родные Перезвоны”, Бельгия.

Подобных отзывов критики и читателей можно было бы привести еще сотни. Но и этих достаточно, чтобы понять ценность М. Каратеева как замечательного писателя, которому каждый истинно-русский человек должен помочь хотя бы покупкой его книг.

Редакция

Сдана в набор и в ближайшее время выйдет из печати первая книга исторического романа

М. Каратеева

„БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ”

представляющая собой вполне законченную эпопею и являющаяся продолжением ранее изданных романов

„ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА”

и **„КАРАЧ-МУРЗА”.**

В книге 250 страниц, схемы и таблицы. Цена по предварительной подписке у нас в редакции — 2,50 доллара.

Вторая книга этого романа, которым будет закончена историческая трилогия

„РУСЬ и ОРДА”,

выйдет в следующем году.

„СТАТЬИ, РАССКАЗЫ И СТИХИ“ —

В прошлом году появилась в свет книга Василия Галащука — „Статьи, рассказы и стихи“. Автором этой книги является галичанин, сын бедного крестьянина.

Он принимал активное участие на стороне коммунистов в интернациональной революции, устроенной в России врагами русского народа, врагами Христа, предшественниками Антихриста.

За то, что Россия была оплотом истинного христианства — православия, за то, что она желала быть „Святой Русью“, — на нее обрушились темные силы вместе с доморощенными бесами, так гениально описанными нашим пророком — Достоевским.

Автор этой книги, будучи еще красноармейцем, прозрел и уразумел истинный смысл революции. Вот мысли, возникшие в его голове еще в то время, когда он носил красноармейский мундир:

„Как же это так? В России, по последней переписи, насчитывается 146 миллионов населения, в том числе три миллиона евреев, два миллиона грузин и полмиллиона поляков. Кроме того, около десяти миллионов приходится на татар, горцев, башкирцев и на всех нацменьшинств вообще. Остальные — около ста тридцати миллионов — русские. В политическом же бюро, которое фактически владеет жизнью и имуществом страны, три миллиона евреев представлены шестью евреями, трое из которых (Нюффе, Радек и Раковский) даже не российские подданные, не видевшие до того времени и России. Два миллиона Грузин представляет Сталин, полмиллиона поляков — Дзержинский, а сто тридцать миллионов русских, как бы на смех, представляет „Всероссийский староста“, — Калинин. Что же это на самом деле: случайное ли стечение обстоятельств, ирония ли судьбы или сознательное издевательство над русским народом? Должно быть — последнее, подумал я“. (Стр. 124).

Приводим еще размышления автора, которые в конечном результате открыли ему полностью глаза:

„Придя домой, я сразу разделся и лег в кровать. Но заснуть в эту ночь я не мог. В моей голове, точно картина за картиной на экране, возникали мысли за мыслями. Я участвовал в революции от начала до конца. Я видел, как рабочие Ижевского и Воткинского заводов подняли восстание против коммунистов. Из восьмидесяти тысяч рабочих после усмирения осталось пятнадцать тысяч. Я видел тоже, как крестьяне Кургановского и Ишимского уездов, Тобольской губернии, подняли восстание. За две недели китайцы, мадьяры и латыши расстрелили 15 тысяч человек. Я все это припомнил себе и много другого, подобного этому, и задумал-

ся. Для какой же цели мы вырезали три-четыре миллиона человек и сделали Россию, которая раньше кормила своим хлебом чуть ли не полмира — страной голодающих, в которой сотни тысяч людей пухнут от голоду. Кому это было нужно? Кто затеял это?“

Вся книга Василия Галащука пропитана беззаветной любовью к несчастному русскому народу, томящемуся в коммунистическом иге. Вот слова, говорящие красноречиво о его любви:

— „Через несколько дней я получил увольнительную и уехал из России. Легко сказать „уехал из России“, но не так легко было у меня на сердце, потому, что я люблю Россию! Не Россию Керенского или Троцкого, но ту живую, настоящую, серую, добродушно-наивную крестьянскую Святую Русь. Я люблю ее не так, как князь Кирилл или социалист Чернов, но люблю ее так, как может любить ее тот русский человек, который вырос в австрийско-польском ярме, а Россию увидел впервые в дни ее очаровательного величия, т. е. в 1914 году“.

Несмотря на папскую, польскую, австрийскую, чехословацкую и коммунистическую насильственную украинизацию, еще и теперь есть миллионы западно русских людей (галичан, буковинцев, волинцев и закарпатских русских), которые подобно Василию Ивановичу Галащуку, любят Россию.

Ниже мы печатаем две главы из этой книги — „Русская Земля“ и „Много стараются, но для кого“.

Эту книгу можно заказать непосредственно у автора:

W. Galaschuk, 196 Markham Street,
Toronto, Ont. Canada.

Редакция

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

...Уже десяток лет минул с тех пор, как я выехал из России, но я ни на минуту не могу забыть ее. И теперь, хотя я знаю Россию до последнего уездного городишка, я никогда не разлучаюсь со своим географическим атласом. Еще малым школьником я читал какую-то арабскую сказку. Там писалось про одного скупого, который всю свою долгую жизнь откладывал себе во всякой роскоши для того, чтобы скопить как можно побольше золотых червонцев. И этот человек, который всю жизнь провел в голоде и лохмотьях, в двенадцать часов ночи шел в темный погреб, зажигал свечу, вынимал горшок, полный золотых червонцев и тешился ими, как дети своими игрушками...

Если у меня имеется часок времени, свободный от тяжелой физической работы, которую я другой раз не в силах одолеть, я сажусь куда-

побудь в укромный уголок, раскрываю свой атлас для того, чтоб лишний раз увидеть, хотя бы на бумаге, мой идеал, мою любимую Святую Русь.

И вот передо мною вся Русская земля: здесь моя родная Галичина, тут зеленая Буковина, Большая, Полесье, Белая Русь, Великороссия, Украина, Бессарабия, Крым, Кавказ, Туркестан, Сибирь, Сахалин — вся наша единая неделимая Русь. Кто из них милее, кто дорожее моей истерзанной душе? Неисходима ли Сибирь с ее буйными лесами, или Малороссия со своими вишневыми садами? Или бедная Белая Русь со своими убогими крестьянскими хатами?... Припоминается мне: в моем родном селе была вдова, а у нее десятеро детей. Один из сыновей этой вдовы был моим школьным товарищем. Я часто бывал у них. Не раз, бывало, обступят дети мать и настойчиво требуют от нея, чтобы она сказала им, кто из них милее и лучше для нее. Она долго стоит и смеется, а наконец показывает обе руки и говорит: „Вот, берите, отрежьте любой палец на правой или на левой руке — все одно, боль будет одинаковой.“

Когда я гляжу на карту России, мне хочется сравнить ее с другими великими государствами мира, но ничего из этого не выходит. Никому не по плечу равняться с нашей Россией! Ни Германия, ни Франция не могут равняться с ней, ни порознь, ни вместе взятые. Англия, даже вместе с чужой Индией, тоже не может. Даже северная Америка, перед финансовой силой которой ныне склоняется целый мир, если сравнить ее на карте с Россией, выходит гораздо меньше нашей России. Есть у меня в атласе карта великих старинных империй: древней Персии, империи Александра Македонского и Римской империи. Я сравниваю с ними нашу Россию, и все равно ничего не получается. Такой великой, прямо грандиозной страной не владел ни один народ на протяжении всей многотысячелетней истории человечества.

И когда я, нагледевшись вволю, прячу карту России, как тот арабский скупец свое золото, у меня в голове одна и та же мысль. Может быть, я ошибаюсь, может быть, нет, но я верю, всей душой верю в то, что такая земля, какой владеет русский народ, не дается никому-нибудь погибающему племени, но дается только великому народу.

Василий И. Галащук

(Из книги „Статьи, рассказы и стихи“.)

МНОГО СТАРАЮТСЯ, НО ДЛЯ КОГО?

///

..А кто же голова всему этому украинскому движению? Я начал мысленно перечислять всех украинских лидеров, которых я знаю: Трилевский, Петрушевич, Романчук, Бачинский... Но нет, это все не то. Это все маленькие шишкы.

А вот, я вспомнил, — наш митрополит граф Андрей Шептицкий. Кто из украинцев не знает графа Шептицкого? Всякий знает и всякий скажет, что граф Шептицкий голова всему украинскому движению в Галичине.

И мне вспомнились некоторые моменты из моей жизни, которые, не знаю почему, глубоко врезались в мою память.

Весной 1918-го года я служил в первом полку украинских сечевиков в Киеве. Часть полка была расквартирована в Луцких казармах, а штаб и остальная часть полка, в том числе и восьмая сотня, в которой я числился, помещалась в казармах бывшего Воронежского пехотного полка на Львовской улице, № 24. В этом полку галичане составляли девять десятых, а одну десятую — местные киевляне и вольницы. Галичане делились на две части: одна часть — бывшие австрийские „Сичовики“, которые в первые годы войны были взяты в плен русской армией, а другая часть состояла из бывших беженцев, которые, выбирая из двух бед меньшую, — возвращаться в Австрию и быть отправленными на Итальянский фронт, или поступить в сечевики — выбирали последнее. Киевские, которых, впрочем, было немного, были большею частью молодые хлопцы, которые приходили только за тем, чтобы получить обмурдирование. Получивши обмурдирование, они обычно уходили, а на их место приходили другие. Хотя и между ними попадались хорошие хлопцы, но они тоже по тем или другим причинам не могли ужиться с галичанамы...

В нашей восьмой сотне был один киевский двадцатилетний доброволец Онисенко. Однажды, мы пошли в штаб полка получать жалованье. Солдаты один за другим получали деньги и расписывались. На кассирском столе стояла тарелка, в которую солдаты, получившие жалование, бросали деньги.

— На что они кидают деньги на тарелку? — спросил я знакомого писаря, сидевшего за соседним столом.

— Прочтите, тогда будете знать, — сказал он, указав на афишки, висевшие на стене.

Я начал читать. В них митрополит граф Шептицкий обращался ко всем щирым украинским патриотам с призывом жертвовать, кто сколько может, на постройку униатской греко-католической церкви в Киеве.

Между тем, подошла и моя очередь. Я получил деньги и расписался.

— Жертвуйте, добродию, на нашу родную церковь — сказал кассир, и я кинул на тарелку немного денег.

Следующим за мною получал Онисенко. Ему тоже кассир предложил пожертвовать на родную церковь.

— А разве в Киеве церквей мало? — ответил Онисенко.

— О нет, это все московские, а мы хотим свою, украинскую.

— Вы смеетесь что-ли? Как это московские церкви? Московские в Москве, а в Киеве наши, киевские, — сказал Онисенко.

Кассир взял в руки одну афишку, показал Онисенку и начал ему объяснять, что такое униатская церковь.

— А правда-ли, — спросил Онисенко, — некоторые говорят, что Шептицкий поляк?

— О нет, — ответил кассир, — это неправда. Шептицкий украинский патриот. Он всегда выступает против Москвы, за что даже пострадал. Москали увезли его вглубь России, в Курск, откуда его освободило временное правительство, но митрополит Шептицкий и теперь, все равно, борется против Москвы.

— Но то, что Шептицкий против России не значит, что он не поляк, потому что многие поляки против России. А скажите, выступал ли он когда либо против поляков и против Польши?

Последним вопросом кассир, очевидно, был озадачен. И он, подумав немного, сказал:

— Я действительно не слышал, чтобы Шептицкий выступал когда либо против поляков, но он жертвует большие деньги на украинские цели, и все говорят, что он украинский патриот, и я так говорю, а в его душу я не заглядывал...

Того же вечера зашел ко мне Денис, мой односельчанин, из шестой сотни.

— Ты жертвовал на униатскую церковь? — спросил я его.

— А как-же А ты?

— Я тоже. А как ты думаешь — спросил я Дениса. — Ведь одной униатской церкви мало на целый Киев?

— Вот ты обожди, — отвечал Денис, — если этой Украине Господь по ошибке как-нибудь века продлит на два-три года, то здесь много кое-чего будет. наших галичан-униатов будут резать, как резали во времена Наливайка и Трысилы...

Не знаю, правду ли предсказывал Денис, потому что Господь Украине века ничуть не продлил. На следующий год „Украина” „Богу духа отдала”, так что я даже не знаю, успел ли Шептицкий построить униатскую церковь.

Весной 1924 года я с группой своих товари-

щей односельчан был на работе в Карпатах. Мы работали при постройке мостов под новую железно-дорожную ветку. Ветку проводила компания „Глизингер”, которая имела концессию на эксплуатацию лесов в лесном имении митрополита Шептицкого. Лесное имение греко-католической митрополии занимает юго-восточную часть Долинского уезда, от реки Ломницы на востоке, до реки Чечвы на западе и от села Перегинского до бывшей венгерской, а теперь чехословацкой границы. Эту площадь, занимавшую 140.000 моргов первоклассного леса, подарил русско-галицкий князь Данило в свое время Галицкой православной митрополии.

В это время приехал туда на охоту польский военный министр граф Шептицкий со своей свитой, родной брат митрополита Андрея. В районе горы Россохан администрация имения заблаговременно выстроила необходимое помещение. А из нашей группы взяли пять человек, молодых хлопцев, для обслуживания министра и его свиты. Хлопцы пошли очень охотно: охота на медведей сама по себе очень занимательная вещь, а тем более, что им обещано платить то же самое, что и на работе. Но какое было наше удивление, когда на следующий день наши хлопцы пришли обратно. Мы сейчас же начали спрашивать, почему они вернулись. Они рассказали нам следующую небольшую, но странную историю.

Первого дня они пошли с господами на охоту, и на все вопросы и приказания господ отвечали, разумеется, на своем родном языке. Это очень не понравилось графу Шептицкому, и он сказал хлопцам, чтобы они говорили по-польски, а если нет, то он потребует от администрации, чтобы ему прислали таких людей, которые будут говорить по-польски. Разумеется, по-польски говорить хлопцы не захотели и ушли. А на их место администрация прислала несколько мазуров из той партии, которая работала на станции Кременец.

Это еще более удивило нас. Ведь это родной брат нашего митрополита, на нашей земле запрещает нам говорить на родном языке.

„Мне только интересно знать одно”, — сказал Роман, (один из тех хлопцев которые ходили на охоту), — „два родных брата: один польский военный министр, а другой униатский митрополит и украинский патриот. Как вы думаете: или тот притворяется поляком и дурачит поляков, или другой только притворяется украинцем и дурачит украинцев ради этих лесов, из которых ежегодно в его карман плывут миллионы”.

Мы молчали. А Штельмащук Максим, один из рабочих, немолодой уже, сказал:

„Это ясное дело, ясное как солнце, что они

оба поляки. А митрополит притворяется украинцем и дурачит самостийников, но только не лишь ради этих лесов. Он еще проводит проект на „zniszczenie Rusi” — (уничтожение Руси).

Мы все согласились с Максимом. Я сам вспомнил, как я, будучи еще малым школяром, читал сочинения Наумовича, в которых тоже писалось про этот проект. И, конечно, поляки, если составили проэкт, то постараются и провести его в жизнь. И митрополит Шептицкий один из тех, которые проводят этот план в жизнь.

Во время гражданской войны, встречаясь с украинскими патриотами, я слышал от них, что они постоянно хвалили графа Тышкевича, который в то время был представителем Петлюровского правительтва в Париже. Недавно я достал у одного знакомого украинца книжку под заглавием „Князь Ярослав Осмомысл”. Книжку эту написал небезизвестный в украинских кругах Назарук, а издана она на деньги графа Тышкевича. Там же имеется биография графа Тышкевича, составленная Назаруком. Назарук пишет, что род Тышкевичей идет от славного князя Константина Острожского. Но все предки графа Тышкевича заявляли себя поляками. В поляки зачислил себя и граф с молодых лет. Но познакомившись перед войною во Львове с митрополитом Шептицким, он сделался украинцем и щирым украинским патриотом. Жена графа из старого польского аристократического рода. Один сын, Станислав, был римско-католическим духовником в австрийской армии, в Инсбруке, (Тироль). Другой сын служил в польской армии полковником. По примеру Шептицкого, граф Тышкевич жертвует деньги на украинскую пропаганду, хотя не забывает и поляков. Например, в 1913-м году пожертвовал на Украинское Научное Товарищество во Львове 20,000 рублей, а одновременно на приют больных польских артистов — 50,000 франков. Дальше Назарук приводит литературную деятельность графа. Масса статей на английском, французском и немецком языках. И как видно по заглавиям, все статьи написаны против России. Видно, ни одной статьи граф не считал нужным написать против Польши...

Недавно я зашел опять к своему приятелю украинцу.

— Нет ли у вас, друже, книжки какой-нибудь? Читать нечего.

— Как же нет, отвечает приятель. — Вот хорошая книга: „Листи до братів хліборобів”, Вячеслава Липинського.

— Что-то, — говорю, — я не слышал про такого...

— Это, — отвечает приятель, — киевский

помещик, раньше был поляком, а теперь щирый украинец.

— Что это, — говорю, — за чудасия? Вы всю польскую аристократию переделаете в украинцев? Скоро, пожалуй, и сам Пильсудский станет украинцем?!

— А нам и это не страшно, — смеется приятель. — Вы, должно быть читали, что Юзефовский, который был министром у Петлюры, теперь назначен польским министром в кабинете Бартля.

Взял я книгу Липинского домой и прочитал ее. Книжка солидная по объему, а еще более по содержанию. Липинский, надо признать, человек с умом. Он подвергает беспристрастной критике все украинское движение, и указывает всем украинцам, что такую Украину, какую украинцы строили до сих пор, построить нельзя. Это, утверждает он, была Украина фантастическая. Теперь надо строить Украину реальную. И он на дальнейших страницах указывает, каким путем можно добиться самостоятельной Украины. Кое-что говорит и про себя лично. Пишет, например, что многие украинские деятели просили его отречься от римского католичества, которое, стоит солью в очах некоторых украинских патриотов. Но он не желет бросить римское католичество. Он уверяет читателя в том, что можно быть римским католиком и добрым украинским патриотом. В этом то он, пожалуй, и прав. Мог же, например, быть Юзефовский украинским, а потом польским министром. Но мне невольно приходит в голову один вопрос: Граф Шептицкий, граф Тышкевич, помещик Липинский, министр Юзефовский и прочая польская аристократия строят Украину. Строят ли они ее себе на пользу, а нам на гибель, или нам в пользу — а себе на беду?

„История — учительница жизни”, говорили римляне.

И я думаю, что нам не мешало бы от поры до времени заглядывать в нашу историю. Во времена старой Польши вся польская аристократия под предводительством короля Зигмунда силой накнула нам унию. И кому от того польза, а кому вред? Польза конечно, для поляков, потому что и теперь еще, спустя триста лет, идет у нас религиозная борьба, а Галичину и Больнь разделяет стена ненависти. Так же и теперь. Раз поляки строят Украину, то они строят себе на пользу, а нам на гибель.

Василий И. Галуцак

(Из книги „Статьи, рассказы и стихи”)

ВЕЗДЕ ГОСПОДЬ

Расскажу я вам, как Бог людям помогает, из великой беды выручает. Сама я женщина простая, малограмотная. Дядя только у меня — большой человек. Кем был, точно не скажу, одно помню — вся грудь в медалях. Но редко он отца навещал: видно, стыдился крестьянства. Село наше маленькое, бедное, далеко от города: кругом поля да перелески. Было у меня три брата, но все погибли. Одна я осталась. Братья в школу ходили. Хорошо учились. Только меньшенький от науки отбился. Сначала первым учеником был, а потом забрал себе в голову, что коли многому выучится, то судьба его будет такая, как старших: потянул их город, далеко куда-то уехали и забыли про родное село... А он крепко любил землю, любил нашу хату и всю сельскую работу. Бывало отец — в поле, и он — в поле и уж от отца не отходит. Мать братишку того и уговаривала, и била, а он свое твердит: „Не хочу учиться: дома останусь, хозяином буду!“ Ну, что ж поделать? Видит мать, его упорство переломить трудно, была она женщина строгая, но своего дитяти жалко. Побьет, а сама потом плачет: опять таки и работник в доме нужен. Уступила. Так мой брат и остался: полтора года сельской школы — вся его наука. А потом жалел как! И сказать трудно. „Хоть хорошая была мама, говорил, да мало меня били, мало заставляли: и темный я теперь человек. А я то до учения охоча была! Книжки, тетрадки собираю, да и в школу. Учитель хвалил, что понятлива была. Да не долго длилось мое счастье. Год проучилась и говорит мама: „Оставайся, дочка, дома: помощница нужна. Я уже совсем ослабла, не управлюсь.“ А мама моя, как я их помню, всегда больные были. Одиннадцать детей имела, да только четырех вырастила, остальные маленькими померли. Что-то у нее внутри всегда болело, ныло, а работа крестьянская — тяжелая. Я хоть еще малая, но крепкая была и все исполняла, что мать приказывала. Правду сказать, не любила я этой работы. Первое время украдкой плакала, все в школу тянуло. Потом мама скоро померли, и я рано замуж пошла. Вот через него, через мужа все страдание и приняла, потому что его кулаком признали. А какой он кулак? В нищете родился, а в нищете вырос. Жили они в землянке, а весной, как снега тают и дожди идут, так со стен и течет. Сидит его мать, воду вычерпывает, да ведрами на двор выносит, выливает.

Был у мужа брат меньшей, Василием звали, очень смышленный, а на руку ловкий и быстрый. Вот они оба сначала научились колеса делать, а потом дошли до того, что сами машину

сладили, которая хлеб молотила. Вот через ту машину и до богатства дошли. Меня в жены взял, хату крепкую, просторную сами выстроили, телеги, утварь новую сладили, а землицы перед тем прикупили. С утра до ночи бились, хорошо хозяйничали, да не долго судил Бог. Революция ударила, а там начали людей в колхозы сгонять. Нас за кулаков признали, с хаты выгнали, все позабирали, а в ту пору у нас двое деток было: дочечка — Машка, и сынок грудной на руках. Помеж дворами хоронимся, днем на работу к кому-нибудь пристаем, ночью, где попало, переспим. После мы в своем старом сарайчике приютились. Муж дыры позатыкал, стол да кровать сколотил, — вот и жили в скрытости. Хоть и обнищали люди, а сердца не потеряли и умирать с голоду нам не давали.

А тут паспортизация пошла. Объявили, что паспортов нам не дадут, и шепнули, чтобы мы скорее уходили, куда подальше, а то эшалоны уже готовят, людей на смерть вести. А куда кинемся? Беспаспортным билетов на поезд купить нельзя. Тут у нашей кумы племянник в коммуне был, вот он нам билеты и расстарался, да строго наказал, чтобы все было в тайности. Сели в поезд — муж в одном углу, я в другом; боимся друг другу слово сказать. Дитя прижи- боим, колышу, чтобы не так с голоду пищало. А тут гляжу, идут молодые, а уже совесть потерявшие, страшные, с винтовками и бумаги спрашивают. Стою ни жива, ни мертва, помеж людей скоронилась, а муж тоже. Крепко молюсь... Так Господь и пронес их, что бумаг у нас в толпе не спросили. Приехали в другое село, к моей тетке. Глянула она на нас, затряслась вся: такой у нас был вид жалобный. Приютила, спрятала в погребок. Опять ходим по дворам, работаем. День прожили и слава Богу. Да как уже прожили — в полном изнеможении.

Так и осень подошла. Бреду я раз вечером в теткин погребок ночевать. Вся с холода застыла, голодная, ноги в грязи вязнуть. Слышу шум: грузовик навстречу. Притаилась я в овражек. Гляжу, полно их с винтовками. К сельсовету завернули. Сердце у меня как застучит, аж в глазах потемнело, еле домой добежала... На другой день промеж людей разговор пошел, что паспортизация будет. Тетка и говорит: „Уходи, Паша, куда знаешь. Очень жаль мне вас, но сами знаете: „найдут — вам смерть, и мне смерть. Машку оставьте: скажу — моя, посмотрю: а вам без нее легче по свету мыкаться“. Хотя мы говорили тихо, но дитя точно почувствовало: ко мне подбежала, за юбку вце-

пилась, кричит и вся трясется, ну, не оторвешь. Много горя пережила, а той минуты, как я свое родное дитя бросала и как ее от меня отрывали, а она опять цеплялась и кричала страшным голосом — никогда не забуду! Не помню, как из хаты вышла!... Иду с мужем. Ночь холодная, а мне жарко. Чувствую — неможется. В голову, как топором бьет. Ногами двигать не в силах. Упала. Муж видит, — ссеем больна, не знает, что и делать. „Веди меня, говорю, обратно к тетке. Машку возьму. Подводу расстарайся: пусть меня везут в родное село умирать. Соседи схоронят и детей выкормят, а тебе возврата нет: ты кулаком признан. Иди куда подальше; без меня, без детей тебе будет легче. А даст Бог выздоровлю, — встретимся.“ Еле довел он меня до теткинго погребка. А я то сознаю, а то как в темную яму падаю, и ничего не чувствую. Тут на счастье, Семка с колхоза согласился меня довезти. Какие крохи имели, что могли, с себя сняли, и все ему за это отдали. Везет он меня, соломкой прикрыл. Дети ко мне жмутся, греются. Довозит Семка меня до прекрестка, где дорога в наше село вела. Крест большой там стоял, еще безбожники свалить не успели, и говорит: „Тут я тебя выгружу — кони колхозные, могут хватиться“. А уже вечерело. Я его умоляю, а он свое: „Не хочу себя под расстрел подводить.“ Сбросил меня тут прямо в грязь. Детей посадил. Кинул охапку соломы и повернул домой. Лежу, дети подле меня ползают. Ни души: только небо надо мной, да крест около. Молиться стала: каюся, что дитя родное оставить соглашалась, да о спасении взываю. А тут, как на счастье, едет человек из нашего села. Он на поле задержался, пока все проверил, устал и шагом домой возвращался. Видит, женщина лежит, дети плачут; глянул и меня признал. „То ты, Паша? Как сюда попала? А мы думали, что вас всех в живых нет.“ Обрадовалась я, прошу, умоляю: „Вези меня домой, в мой сарайчик умирать.“ „Что ты, Паша, — говорит — куда везти, там уже чужие люди живут.“ А я свое: „Вези в мой сарайчик, там и умру — не здесь же мне на дороге валяться!“ Привозит он меня. Стучит и кричит: „Открывайте немедленно — хозяйка умирать приехала.“ Вошла я в сарайчик, а на моей кровати их рядно постлано. „Забирайте, говорю, это прочь!“ И сама я легла — а что было дальше, ничего не помню. Потом эти чужие люди в сельсовет жаловаться бегали, начальство приехали, и кричали они надо мной, и кулаками махали и ногами топали. Но видят — безчувственная, решили — тифозная: испугались и ушли. За пару дней мне полегчало. Соседка прибежала, водой напоила, детям молока принесла, да все мне и рассказала, как было, а потом кинулась: „А где, Паша, твои полуса-

пожки? А где хлеб?“ Смотрим, ни того, ни другого нет. Заплакала я: полусапожки были еще крепкие. Вот люди какие! Больную меня и детей не пожалели, все очистили.

Тяжко я болела. Кума нашего бывшего земского врача, просила помочь мне хотя бы ради детей. Посмотрел он на меня, на детей, синих от голода и холода, на крайнюю нищету нашу и говорит: „Очень печальная картина, но помочь не в состоянии: не имею права принимать в госпиталь беспаспортных.“ Опустил голову и вышел... Потом его еще просили, а был он человек старых правил, добрый: „Ну, говорит, принесите ее ночью дворами, да чтоб никто не заметил, не догадался.“ Вот я в больнице и выздоровела, а сынок то помер, бедняжка. Дочечка — Машка тоже не долго протянула. Осталась я сирота кругом: без детей, без мужа... Спасибо, брат меньшей подсоблял. С войны вернулся цел, невредим, а вот дома страшную кончину принял.

Ездил он с товарищами по селам: где удастся хлеб, сало добывал: где покупал, где менял. Были люди, что изловчились в тайности кабанчика выкормить или такую машину устроить, что самогон из картошки гнала. Вот, бывало, Иван мяса расстарается или самогону. Да только люди инные теперь стали хуже зверя, совсем Бога забыли и совесть потеряли. Раз набрал Ваня наш много товару и ехал с мешочниками поездом, за сеном притаившись. А как отъехали далеко в поле, товарищи на его добро позарились, сговорившись промеж собой, схватили моего брата, ножами покололи, да и кинули под откос...

Ждем мы Ивана: нет да нет. Забеспокоились, объявили пропавшим. Начались поиски. Только через пару дней нашли замерзшего, на теле четырнадцать ран. Полз он, бедняга, а за ним кровавый след оставался. Все старался до сторожки или до какого-нибудь жильца добраться. Молод был, жаль умирать. Так он истек кровью, изнемог и погиб. А сколько он натерпелся несчастный, пока так медленно умирал, — и подумать страшно... И так вот, я уже третьего брата потеряла. Одного на войне убили. Другой с войны вернулся, а как в хату вошел, так мы его и не признали. Уж не знали: радоваться ли нам или плакать. А он говорит: „Умирать пришел, дышать тяжело, немец газами в груди выжег.“ Кровью харкал и зимы не пережил. Того брата еще как надо хоронили: в церкви с батюшкой. Перед революцией было.

Как погиб Ванюша, еще тяжелее мне стало. Так уж маялась я горемычная, что и сказать не могу. Бог да добрые люди помогали: то

накормят, то на работу возьмут. Опять приболела. А тут вторая война грянула. Немцы наступают. Выстрелы. Ужас. Села горят. Замученные люди, как те затравленные звери, не знают, куда податься. Падают на дорогах, а кони и подводы их в толпе давят. Крик, стон, плачь... Ну совсем конец света пришел. Видим, фронт продвинулся дальше. Немцы идут. Воспрянул духом народ, да напрасно.

И откуда взялись эти немцы? Как бы и не люди, а истуканы бессердечные. Мы на них, как на спасителей, понадеялись, а они хуже наших извергов оказались. Пошла я на работу, как только болезнь полегчала. Замест денег, кто немного крупы или муки отсыпет, кто постного масла отольет. Муж ко мне при немцах вернулся. Вот вдвоем нам и сподручнее, и веселее. Да и зарабатывать больше могли. Даже муку, картошку, сало припасать стали. Вскоре Господь утешеньце послал — дитятко. Я опять к жизни пробудилась, как роща весной: есть муж, есть доченька Дашка.

Иду я раз с работы, а соседка навстречу бежит, рукой машет: иди, мол, скорее. Уж сразу сердце недоброе почувало... Добегаю, а тут немец из моей хаты все начисто выносит, что кровавым потом заработали. Хотя бы он голодный был, а то гладкий, еле кожа от жиру не лопнет. „Отдавай, кричу ему, нехрист”. А он как размахнется, да прямо — в ухо. Свету я не взвидела, упала, а он теку. Нет, думаю, не уйдешь. Такой азарт на меня с горя напал, ничего не боюсь Других расстреливают, пусть и мне конец, если такая моя судьба, а молчать не буду. Прибежала в ихнюю главную квартиру, прошусь, чтобы пустили к старшему. Я ему толкую, плачу, а он глаза вылупил да свое что-то гаркочет. Кликнули переводчика. Паренек, видно, из наших. Все ему растолковала. Пожалел сердечный. А тут глянула я в окно, а мой грабитель в самый раз по дороге идет. „Вот он! кричу, — он меня обобрал!” Завернули его, а он на меня как глянул, чисто волк и с лица побелел весь. А я вот ни чуточки не испугалась — открыто гляжу, до полной решимости дошла. Гавкнули немцы что-то друг другу и загоркотели. Отослали меня домой. А немчуга все мне назада принес, с порога швырнул, еще, сказывали, убить грозился. На другой день соседи видали, что он пьяный прибежал с револьвером в руке, рыскал, да мы, слава Богу, в ту пору в поле работали. Потом я сама себе удивлялась, как я такую решимость имела. Господь в обиду не дал. А то страшно сказать, сколько народу нашего эти немцы ни за что, ни про что перепортили, но и сами себе этим яму вырыли. Не так уж долго мы под немцем бедовали. Скоро наши им жару

дали. Я так думаю моим бабьим рассуждением, что против нашего российского солдата никто не устоит. С первоначала он и отступить может, а уж, как большая беда на родную землю придет, то сразу как ахнет, только держись.

Фронт опять настал. На небе кругом зарево. Вот уже близко грохает и пули свистят. Схоронились мы в погреб, а тут густая стрельба пошла. Село горит. Ужас. Попадали мы на колени. Молимся. Спаси и сохрани от смертного часа, ради дитятка хотя бы. Страсть, как дорога была нам жизнь в те минуты. Кажись, под землю бы залез, как крот, лишь бы живым остаться. Тут и хата над нами гореть стала. Дымом забивает. Дитя прижимаю, в голос молюсь. И опять Господь нас не оставил. Вскоро выстрелы приутихли, люди надбежали, огонь притушили и нам помогли выбраться из погреба.

Смотрим, обратно немцы вернулись. За несколько дней людей на работы хватать стали да вывозить. Вот мы с мужем и попали. Загнали нас в скотские вагоны и повезли в Германию. Тесно было ехать, грязно, а все же среди своих людей, — душевных. Так один другому и подсобляли. Кто кипяточку на станции добудет, или картошки из разбитого вагона на стоянке расстарается. Веток быстро насбераем, в ведерке сварим, да вместе и покушаем. Опять таки немцы хлеб да кофий давали. Кто знает, из чего этот кофей варили, но мы и такому были рады. Как на место приехали, мужа взяли на фабрику, а я попала к бавуру на работу (это по ихнему — крестьянин). В поле картошку выбирала. Другим работникам кушать — полудновать несут, а мне никто. И смотрю я на их с завистью, а попросить — стесняюсь. Сяду, глаза закрою, вроде как сплю, а сама думаю: „Господи, придет ли когда такое время, что я хлеба наемся вдоста?” И опять мне это сумнительно было.

Иду я раз с поля с Дашкой. Дождик мелкий да востренький сечет; ветер холодный, а я бося... Мимо ихних домиков поспешаю. А тут из окна одна женщина на дитя, на меня жалостливо глянула, с головы до ног глазами смеяла и машет: „Ком, ком” (зайди, значит). Захожу. А она мне возок детский в коридорчик выкатывает и показывает: „Сади кинд (Дашку-то, значит). А в возок крупы, молока сухого да муки в мешочках поставила; еще свои старые туфли выносит. Аж заплакала я с радости, а сказать слов не нахожу... Обняла я ту немку, как сестру родную. Везу Дашку в возочке, сама от счастья, как царица какая выступаю, каблуками постукиваю. Дитя довольно, смеется, в ладошки хлопает. Хоть и малая, а

смекнула, что приятнее ехать. Иду себе и думаю: это Господь добрых людей по всему свету рассыпал, чтобы они, как фонарики среди темноты, светили и погибать не давали. Припомнила, как Бог не раз из беды выручал, и стало мне явственно, что Он везде с нами и

верующего человека не покинет. От этой мысли у меня словно солнышко на сердце заиграло. Иду, поспешаю и дождика вроде как не чувствую.

В. К. Сорокина

Ч А Ш А

Когда мы с отцом Виталием сошли с шатко-го крыльца его старозаветного домика, нас овеяло дыханием августовской тьмы, шорохом высоких лип и мерцанием звезд.

— Ночь... — прошептал отец Виталий шопотом вошедшего в тихий храм. Липовой алеей мы дошли до белой церкви. Сели среди погоста на деревянных ступеньках старой часовни, под деревьями. Кругом кресты. Кое-где, над могилами, лампадные огни. В алтарном окне церкви неугасимый свет.

Отец Виталий в белом подряснике. Обхватил руками колени. На плечо упал желтый лист.

— Как ночь, нет мне покоя!.. так вот и брожу по комнатам своим опустелым, по саду, по кладбищу, забираюсь в лес, и все хожу, все тоскую, все зову его тихо. Не утоляет скорбь мою ни молитва, ни ночное бодрствование, ни кротость Господних звезд... Встанешь у престола, да как вспомнишь агнца моего закланного и умолкнешь!... Ждут, когда очнется батюшка а я стою безгласный перед чашею Господней и плачу... Глядя на меня, и все предстоящие в церкви плачут...

У отца Виталия затряслись плечи. Закрыв лицо руками.

— Единственный у меня был, после покойницы жены! Ласковый такой да задумный. Рассказы любил про святых мучеников... И все-то жалел, всем улыбался сыночек мой маленький!

Той ночи не забыть мне!... Пришли это они пьяные, грехом пропахшие. Взломали вот эту самую церковь и вошли в нее в шапках и с папиросами в зубах. Мальчик мой не спал. Увидел их, и разбудил меня. Как ни просил я его не ходить со мной, пошел!... как был... в белой ночной рубашечке.... Пришли в церковь. А они-то, с песнями балагурными Царские врата раскрыли и на престоле свечи зажигали! Плевались и сквернословили. Не высказать того, что было на душе у меня тогда!.. Я молить их стал пьяных, оголтелых, Бога побоятся, не кощунствовать. Они не слушали меня. В спину толкали, волосы на мне рвали, оплевывали и заушали... Вдруг... вижу! Один из них прикасается к чаше Господней! К чаше!

Тут-то и свершилось...

Мой сыночек в алтарь бросился.

И вижу.... Ручонками своими маленькими, вырывает чашу Господню из рук пьяного кощунника.

И не поверите-ли, вырвал ее! Чудом вырвал!

Как сейчас вижу его в белом одеянии, как хитон отрока Иисуса, с чашей Христовой, сходящего по ступеням амвона....

Тут-то за Христа и пострадал светлый мой мальчик. Не успел я подойти к нему, как высокий солдат ударил его прикладом по голове...

И когда увидел его, обгаренного кравью, бездыханного, я не плакал. На душе было ясно-ясно. Спокойно взял его на руки и домой понес, и по рукам моим кровь его струилась.

А вот, когда отпел его и похоронил!... Пришел с кладбища в сиротливый свой дом, да как вспомнил его, мученика, в белом как у Христа-отрока хитоне, в руках своих сжимающего чашу Христову, пал я в отчаянии на пол, и волосы рвал на себе...

Ничто не утоляет скорбь мою, ибо перед глазами он, ангельская душенька, за Христа пострадавший!...

После долгого молчания отец Виталий сказал: — Пойдемте на его могилу и отслужим панихиду. Мы поднялись со ступенек часовни и пошли.

Из книги

В. Никифорова Волгина
„Земля именинница”

Подписная плата

В США, Канаде и Австралии 3 дол. в год.

Во всех государствах Южной Америки

1 дол. в год.

Во всей Западной Европе и остальном мире

1,50 дол. в год.

Подписную плату направлять
в редакцию журнала:

“FREE WORLD”.

P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U. S. A.

РУССКИЕ И „УКРАИНСКИЕ“ УНИАТЫ В США

Недавно газета "Byzantine Catholic World", официальный орган карпаторусской униатской епархии епископа Николая Илько, в Питсбурге, сообщила сравнительный подсчет русских и „украинских“ униатов в США за 1962 г. Цифры эти взяты из официального католического источника "Catholic Directory" за 1962 г.

	Украинских униатов в 3-ох епархиях:	Карп.-русских униатов в одной епархии
Верующих	269,931	312,793
Приходов	187	194
Крещений (за 1962 г.)	2,819	6,901
Перешедших из других религий	144	928
Бракосочетаний	944	1,619
Умерших	1,472	1,540

Для украинских униатов Ватикан организовал три епархии (Филадельфия, Стемфорд и Чикаго), а для карпатских русских — только одну, хотя в этой одной епархии на 43 тысячи больше членов, чем во всех трех „украинских“ епархиях взятых вместе.

Рим долгое время старался всеми средствами украинизировать карпаторусскую униатскую церковь. В этой борьбе с ватиканской украинизацией пострадали два униатских епископа (Такач и Иванчо). Еп. Иванчо был даже уволен Римом.

Когда украинизация Ватикану не удалась, он переменял тактику: стал денационализировать карпаторусских униатов. В настоящее время церковь украинских униатов называется официально: "Ukrainian Greek-Catholic Church", а карпаторусских униатов — "Byzantine Rite Catholic Church".

„РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАТОЛИЦИЗМЕ И ПРАВОСЛАВИИ“

От редакции:

Помещаем опять одну главу из книги А. Я. Бирюка — „Размышления о католицизме и православии“. В этой главе („Средневековье“), на основании исторических данных нарисована такая мерзкая, отвратительная и постыдная жизнь римских пап, что нам пришлось кое-что — самое отвратительное — изъять из нее.

Самого большого врага папы видят в православии и особенно в русском православии, ибо оно стоит им поперек дороги...

Среди русской эмиграции ведется лихорадочная грязная работа по вербовке в папские холопы. По всему лицу земли щупальцы Ватикана выискивают среди русской эмигрантской

СОШЕСТВИЕ СВЯТОГО ДУХА

(Написано на одном из западных карпаторусских говоров. Этот говор соприкасается с словацкой и польской языковой территорией. Вот почему на нем заметно сильное влияние словацкого и польского языков как в отношении слов, так и, особенно, ударения).

В хижі невеликой сталося даколи:
Святы́й Ду́х не зышел з неба к лю́дям доли.
Вин, Кого ся боят архангѣлы в неби,
Пришоу к шиткым¹⁾ лю́дям, и ку ми, и к те́би.
Сталось то по Пасци, в день Пятидесяты́й,
Христиане зышлись в хижі небога́той.
Они были шиткы́ як бы вла́стных бра́ты,
Едно душоу, ви́роу, едно с Богом Святы́м.
Пресвята́я Дива была спо́лу²⁾ з нима,
Апосто́лы шиткы́, Осип с Никодимом.
Было их не вельо.³⁾ лем сто два́дцать лю́да,
И чекали о́ни з неба Бо́жья чу́да.
И ся стала бурка, зышел о́гнь до́лу
На Святу́ю Диву и на апосто́лу,
И на шиткых лю́дей, што в той хижі были,
Шиткых их одили Бо́жья Ду́ха кры́ла.
От Свято́го Ду́ха они ту доста́ли
Розум, смилость, си́лу... Церко́вью ся ста́ли.
Ту-то исту Церко́вь от той хвилі чу́дной
Ма́ме мы́ и те́перь, правосла́вны лю́де.
Церко́вь — Ти́ло Бо́жье, Церко́вь Ду́ха Свя́та,
Златом не худо́бна, Богом не бо́гата.

А. Нельской

¹⁾ шиткы — все

²⁾ спо́лу — (западно-слав.) вместе.

³⁾ вельо — много.

Те, кто готовы жертвовать необходимыми свободами во имя приобретения незначительной временной безопасности, — не заслуживают ни свободы, ни безопасности.

Беньямин Франклин

массы падших людей, предателей и ренегатов, торгующих верой и убеждениями, и из них организуют „приходы“ Восточного обряда.

Ватиканом создается армия „служителей культа“, которая ждет не дожидается того времени, когда обстоятельства позволят броситься на наше отечество для того, чтобы „приводить русский народ ко Христу“. Об этом они пишут совершенно откровенно и бесстыдно...

В жизни католичество представляет собою полную противоположность учению Евангелия.

Ватикан запрещал читать Священное Писание, так как ему не нужны верующие люди. Он нуждался всегда в темных фанатиках, которые истерблияли с лица земли бесчисленное

количество людей, превращая в пустыни целые города и провинции. Ватикан через насилие, травлю безвинных людей, убийства, обман — и по нынешний день распространяет свое антихристианство. Папе не нужны люди, честные, подражатели святым апостолам, он нуждается в янычарах, при помощи которых может в подходящее время истреблять тех, которые стоят на пути папского шествия к политическому господству над миром.

Нет больше любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. (Иоанн 15.13).

Кто ближе к Учению Христа: католики ли, которые травлей целого народа, арестами и гонениями доводят людей до самосожжения (Вьетнам), или буддисты, которые не желая применять насилия, отдают свои жизни за друзей своих в надежде на то, что папский молох опомнится, сжалится над ними?

Вот какой „свет к просвещению язычников“ несут католики несчастному вьетнамскому народу!

В поисках доходов, папы применяют очень простое средство: они пугают темных людей, не знакомых с Евангелием, участью их умерших родственников в загробной жизни. Папские „служители культа“, которые своим образом жизни доказывают, что они ни во что не верят и ничего не боятся, пугают людей „чистилищем“. И вот, посредством этого „пугала“ они выколачивают у народов земли несметные суммы денег.

Несколько лет тому назад был объявлен „святой год“, в который особенно много грешников было извлечено из „чистилищного огня“. Католическая газета в Нью Йорке сообщала, что в этот „святой год“ только в одной из нью йоркских епархий было заказано 1,500.000 панихид по умершим. Если за каждую из них уплачено только по десять долларов, то какую крупную сумму дало „чистилище“ и индульгенции только одной епархии.

В помощь папской пропаганде создаются многие католические „святыи“, которые прославились... жестокостью, немилосердием, клеветой и убийствами. К таким святым принадлежит наш русский — „святой“ — Кунцевич: убийца, клеветник и насильник. Он причислен к лику святых в 1867 г. папою Пием IX. Еще более страшным был „святой“ Доминик, который со своей нечестивой шайкой „монахов“ убивал тысячи и десятки тысяч ни в чем неповинных людей. Чтобы чешский народ не считал Яна Гуса, сожженного папскими слугами, святым, папа пошел на очень смелый шаг: подбросил чехам „святого Яна Непомука“, которого никогда в природе не существовало.

У многих из наших православных священни-

Книгу А. Я. Бирюка РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАТОЛИЧЕСТВЕ И ПРАВОСЛАВИИ

(99 страниц, цена дол. 1,75 — пересылка 15 ц.)
Склад издания —

GREGORY SHEVTOFF,

Book Agency "DON"

1675 Bryant Ave., Apt. 1 F. New York 60, N. Y.

Книгу также можно выписать у автора:

A. BIRIUK, 5514 Holt Blvd.
Montclair, Calif.

ков и даже архиереев часто наблюдается „профессиональная“ солидарность с католическим духовенством и иерархией. Об этом нам очень не хотелось бы говорить, но ничего не поделаешь, мы вынуждены указать на то нездоровое явление.

Защитники католичества являются как бы соучастниками в латинских преступлениях и извращениях Истины Христовой.

Некоторые священники и даже иерархи убеждают нас в том, что теперь не время „нападать“ на католичество. Нашу микроскопическую защиту Православия называют „нападением“.

Да разве может быть такое время, в которое не полагалось бы защищать Истину Христову? Как раз теперь больше чем когда бы то ни было православным людям надо сплотиться и защищаться от коварных, бесчестных, лукавых козней Ватиканского молоха. Многие думают, что в виду коммунистической опасности можно сотрудничать и брататься (как это делали в прошлом году на Ватиканском соборе „наблюдатели“ от Заграничной Русской Православной Церкви) с папою. Неужели те люди не видят, хотя бы по последним событиям, что папа идет на сближение с коммунизмом, чтобы нанести лишний удар Православию?

Как папами, так и их окружением — кардиналами — было сказано уже многократно, что в коммунизме они видят промысел Божий, который подготавливает почву в России для восприятия католичества.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Это период интенсивной борьбы католицизма с ересями. Преступления папства и всего католического духовенства не могли не вызвать реакции среди верующих людей. Терпелось до поры, до времени, пока не представлялось подходящего случая. Так было и в первом периоде. Когда-то цветущие африканские церкви, неоднократно возмущавшиеся и осуждавшие безобразия римских первосвященников и клира, подчинились исламу, когда тот в VII веке начал свое победоносное шествие, и отчасти

добровольно приняли его, переходя в магометанство. Тогда папы были даже довольны, что избавились от надоедливой оппозиции, так как это были заморские окраины. Но когда ереси появились в самом сердце католицизма — в Европе, Рим забил тревогу.

Преступления этого периода приняли несколько иной характер: надо было бороться с обличителями духовенства и их последователями. Не прекращалась борьба и за папский престол. В этот период было наибольшее количество „антипап”. При папе Александре III (1159-1181) были еще четыре папы (не одновременно): Виктор IV, Пасхалий III, Каликст III и Иннокентий III.

Составляя списки пап, приходилось поступать следующим образом на тот случай, если одновременно существовало несколько „наместников Христа”: одного из них вносили в список, как действительного папу, а других пап зачисляли в антипапы. Списки эти в Риме часто исправлялись и „уточнялись”, но кое-где, например, в монастыре Монте Кассино, остались старые, которые послужили материалом для светских историков и исследователей.

Последнее „уточнение” было в 1904 г., при папе Пие X, когда из списка было исключено шесть пап. До этого года считались 264 папы, а по уточненному списку—258. Только теперь правит количеством 264-ый папа — Иоанн XXIII. Но опять придется „уточнять” списки так как последний папа аннулировал своего тезку — Иоанна XXIII (1410-1415), который по „уточненному” списку 1904 г. фигурировал под номером 207, как законный папа...

Папы и антипапы предавали друг друга анафеме и проклятиям, а иногда и посмертному суду, но уже не такому страшному, как Формозус. Впрочем анафемы и проклятия обычное явление в католицизме до наших дней. Они были самым сильным оружием пап в те времена. Изучавшим историю средних веков, известна борьба папы Григория VII с Генрихом IV, кончившаяся победой папы и уничтожением Генриха.

Тогда могущество пап достигло своей вершины и все короли и правители дрожали перед ними. Только двое пап: Иннокентий III и Бонифаций VIII могут сравниться с Григорием VII по своему могуществу. Бонифаций VIII, за свой сравнительно короткий понтификат (1294-1303) предал проклятию восемь коронованных лиц. Он издал буллу, заканчивавшуюся следующими словами:

„Подчинение папе каждого человеческого существа является главным условие вечного спасения”.

Есть над чем задуматься каждому православному и не православному христианину не католику вообще! Ведь эта булла была издана не

каким нибудь второстепенным папой, а авторитетом и гордостью католицизма....

Впрочем и папа Бонифаций, если верить некоторым историкам, сказал будто бы одному кардиналу:

„Телесные грехи не являются грехами. Пусть мне только на этом свете живется хорошо, а о будущем, загробном, забочусь, как о ложке фасоли. Смешно верить человеку в тройного Бога, Мария была такой же девицей, как моя мать.

Половое сношения с женщинами такой же грех, как пожатие чьей либо руки”.

Говорят, он был гомосексуалистом, а его пажей называли папскими проститутками. Гомосексуализм стал развиваться как при папском дворе, так и среди прочего духовенства. Причиной сего был молодой возраст рукополагаемых и введение celibата папой Григорием VII (1073-1083).

Для борьбы с ересью были организованы специальные монашеские ордена. Самыми ревностными из них были два: доминиканский, основанный св. Домиником в 1215 г., при папе Иннокентии III (1198-1216), а позже иезуитский, организованный в 1540 году Игнатием Лойолой и утвержденный папой Павлом III (1534-1549).

Когда св. Доминик получил право истреблять всякую ересь, он со своим отрядом выступил для истребления ереси альбигойцев. Смел с лица земли ряд местечек на юге Франции: Тулузу, Наргон, Каркасон и центр альбигойцев — Альбу. Предавалось огню и мечу все, даже храмы, в которых запирались альбигойцы и в храмах погибло их около 7.000 человек, а всех истребленно свыше 25 тысяч. Истребление альбигойцев прекратилось в конце XVII века, так как к тому времени уже были уничтожены все последователи этой секты. Погибло их около 200.000. Они были теми же католиками, вели очень скромный и моральный образ жизни. Их „ересь” состояла в том, что они отрицали развращенность и жадность духовенства и отвергали необходимость папской власти.

Кроме альбигойцев доминиканский орден занимался истреблением отдельных еретиков среди католического населения. Когда ему передана была инквизиция, тогда даже из среды монашеского ордена францисканцев, многие погибли на костре. Доминиканцы, по меткому выражению современников, были именно тем, какое название они носили: *Dominic anes* — Господни, или Божии собаки — *dominus* господин, *canis* — собака.

В северной Германии произошла кровавая схватка т. н. штедингеров с папскими войсками. Штедингеры требовали причащение под двумя видами. Победили папские войска. Штедингеров пало около 6000.

Папа Каликст III в 1456 г. проклял комету Галлея „и оно не причинила земле никакого вреда“. Нет возможности остановиться на других „выдающихся“ папах средневековья, но нельзя не сказать несколько слов о двух из них, царствовавших на переломе между средними веками и новым временем, о Сиксте IV и Александре VI.

Папа Сикст IV (1471-1484), чтобы поднять доходы Ватикана, повысил налог на публичные дома. С давних пор Ватикан вел регистрацию проституток и выдавал им разрешения за известную плату. Благодаря этой мере, доход от проституток достиг 20 тысяч дукатов в год. Кроме того был установлен специальный налог от проституток, распространяющийся на все духовенство, в размере одного дуката в год. Каждое духовное лицо Рима должно было платить этот налог, независимо от того, пользовалось ли оно услугами проституток, или нет. Зато, уплативший налог и получивший специальное подтверждение, мог брать проститутку в свой дом в неограниченном количестве.

Гуманист Ульрихт фон Гуттен, в своей сатире так описывает Рим:

„Тремя вещами торгуют в Риме: Христом, священническими местами и женщинами. Три вещи ценятся в Риме: женская красота, хорошие лошади и папские грамоты. Тремя вещами изобилует Рим: проститутками, священниками и писцами“.

— Кардинал из Санта Люция, — говорит д-р Энгерт, — обратился с просьбой к папе, чтобы ему было разрешено в течение трех жарких летних месяцев пользоваться мальчиками, вместо женщин. На его просьбу папа великодушно ответил: „Быть по сему“.

Секретарь римского сената Стефан Инфессура, современник Сикста IV, пишет:

„12 августа, в четверг, в пять часов ночи, Сикст скончался. В этот счастливый день Всемогущий Господь проявил свою силу на земле, освободив христианский народ от руки такого безбожного и несправедливого владыки, не знавшего страха Божия и не имевшего склонности к состраданию и милосердию, но находившегося всецело во власти беса нечестивой чувственности, жадности, страсти к роскоши и пустого тщеславия. Этот папа, как всем известно и как подтверждают факты, был обвинен в содомском грехе“.

Описывая в дальнейшем преступления этого папы, Инфессура отмечает, что тот, с одной стороны, щедро одаривал своих фаворитов мальчиков деньгами, а потом епископскими кафедрами, а с другой стороны, народ давил налогами. Он скупал зерно в урожайные годы по низкой цене, а в неурожайные продавал по высокой. И заканчивает Инфессура следующими словами: „Да сохранил нас Всемогущий

Бог от всех зол, которые причинил нам папа Сикст и да не совершится по смерти его что-либо худшее. Аминь“.

Папа Александр VI (1492-1503) был выдающимся во всех отношениях. Природа одарила его здоровьем, красотой, умом, хитростью и коварством. Назывался он Родриго Борджиа. Еще будучи кардиналом, содержал он красивую вдову с двумя дочерьями, которые впоследствии стали его любовницами. От красавицы Ваннозы Каттанеи он имел четверо детей и еще трех от других женщин. Он оказался очень любящим и заботливым отцом и публично признавал их своими детьми. В заботе о них он совершил много преступлений.

„Святой“ престол он добыл подкупом, а голос одного кардинала получил, уступив ему на одну ночь свою еще малолетнюю дочь Люкрецию. Люкреция была женщиной необыкновенной красоты, абаяния и коварства. Имела четверых мужей, из коих троих свела со света. Она была любовницей и своего отца. Сын Александра VI — Цезаре — даровитый и красивый, превзошел в злодеяниях своего отца. Он убил своего брата у ног отца таким образом, что кровь брызнула в лицо папы. Но и он не умер своей смертью.

Честолюбие папы Александра VI не знало границ. По свидетельству Вебера, он выражался так: „Каждая религия хороша, а наилучшая та, которая наиглупейшая“. Он любил пиры и женщин. Burcardo, папский церемониймейстер, описывает один из пиров, на который было приглашено 50 красивейших проституток, танцевавших голыми вокруг столов гостей...

Сексуальное извращение доходило до того, что он приказывал выводить на папский двор для случки кобылиц и жеребцов и этот акт наблюдал папа из окон со своими избранными гостями и куртизанками.

По приказу папы, художник Пинтурикие на стене одной из зал изобразил папу в полном облачении на коленях перед Мадонной, которая имела черты лица его любовницы — Юлии Фарнезе. Стены и потолок также разрисовал художник аллегорическими картинами эротического характера. После смерти Александра VI, папа Юлий проклял и запечатал апартаменты Борджиа. Снял проклятие и открыл их только папа Лев XIII в 1891 г.

В погоне за деньгами папы истребили многих богатых, но невинных людей, а их имущество взяли в свою казну. Кардинал Джамбатисто Орсини был очень богат, храбр и могуществен. Он был обвинен в покушении на жизнь папы. На приказание папы явиться к нему, он не колеблясь, один ночью, без охраны, немедленно отправился в Ватикан. Не помогли мольбы красавицы-любовницы, пред-

чувствовавшей несчастье (видевший, во сне, как вино превратилось в кровь). Родственники и любовница не могли дожидаться возвращения кардинала. Наконец мать и любовница отправились в Ватикан с дарами: одна с огромной суммой денег, а другая — с драгоценным ожерельем. За эту цену они получили... труп кардинала.

В то время происходила борьба между двумя братьями турецкими султанами за трон. Победил Баязет, а другой брат бежал в Рим и принял крещение под именем Иакова, рассчитывая на помощь папы. Но Баязет подкупил папу и Иаков был отравлен. Александр VI получил от Баязета за эту услугу 300 тысяч дукатов.

Флорентийский монах Иероним Савонарола, аскет и пламенный проповедник, за обличение духовенства и папы в распустной жизни, закончил свою жизнь на костре. О нем папа сказал: „Этот человек должен погибнуть, хотя бы он был Иоанном Крестителем”. Савонарола был обвинен в ереси.

Но пришел конец и папе Александру VI. Приготовленное с ядом вино для кардинала Адриана, по ошибке выпил сам папа...

●

Когда Писание видит великое сходство в любомудрии, то, хотя бы принадлежащие одинаковым по образу жизни людям имена были различны, называет их одним и тем же названием. Доказательства этого не нужно искать далеко, но можем указать на этого самого Иоанна, сына Захарии. Когда ученики спросили (И. Христа), придет ли опять Илия, то Он отвечал: **И если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти (Мтф. XI, 14).** Он назывался Иоанном, но так как имел нравы Илии, то и получил одинаковое с ним название; так как он владел духом Илии, то получил и имя Илии. Оба они обитали в местах пустынных; один одевался в милоть, а другой в волосяную одежду; и трапеза у них была одинаково скудна и проста; Один из них был служителем первого пришествия (Христово), а другой будет служителем будущего. Поэтому, так как и образ жизни, и одежда, и местопребывание, и служение были у них одинаковы и все было у них сходно, то Христос и дал обоим одно имя, выражая, что и тот, кто носит другое имя, может быть соименным тому, кому он подражает в образе жизни.

Иоанн Златоустый

~~~~~  
 Помогите нам, русские люди, вашими пожертвованиями в издательский фонд побороть все финансовые затруднения.  
 ~~~~~

Каждое биение сердца на чужбине,
 Каждое дыханье в жизни и борьбе —
 Для тебя, Россия! Ты — моя Святыня.
 Мысль и вдохновенье, жизнь и труд — Тебе!

Мы-ль Тебя не любим, наша Мать родная?
 За Тебя-ль по зову жизнь не отдаём?
 Отчего-ж теперь мы, наш простор бросая,
 К берсгам далеким с семьями бежим?

Вся в крови и прахе Родина Святая,
 Только взор поднят к небу не угас;
 Над Тобою сонмы верных душ витают, —
 И придет свободы долгожданный час!

Ты из праха встанешь, отрахнешь бессилье,
 В перезвонах храмов воздух задрожит,
 Призраком кровавым, пережитка былью
 Черный день России в вечность убежит.

Ты не Святогор-ли — силы изумленье?
 Иль Микулой я-б могла назвать Тебя?
 Нет; Ты Феникс светлый, в вечном повтореньи
 Смерти и рожденья из самой себя.

Лишь Тебе довлеет вся Твоя природа,
 Крест и Воскресенье на Твоем челе;
 Слово Откровенья скажешь Ты народам,
 Утвержденьем веры будешь на земле!

Анна Самойлович

—◆—

Что бывает с золотом, прошедшим многократно через огонь, то же самое обыкновенно бывает и с золотыми душами под влиянием испытаний. Вещество золота, пробыв в огне столько времени, сколько нужно по требованию искусства, становится от действия его гораздо чище и блистательнее: и люди с душою, подобною золоту, пройдя горнило непрерывных испытаний, делаются несравнимо блистательнее и драгоценнее всякого золота.

Из письма „К пресвитерам: Касту, Валерию, Диофанту и Кириаку” Том второй

(И. Златоустый)

—◆—

Все свободное время употребляй на чтение Священного Писания и занимайся им столько, сколько дозволит болезненное состояние твоих глаз.

Иоанн Златоуст
 Из письма „К теще Феодоту”

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

(Продолжение. См. н. 43-48)

В предыдущей статье я привел слова Алессандро Каррелла о неспособности современной цивилизации. Думаю, что эта мысль покажется странной и даже еретической. Как? После того, как эта цивилизация довела нас до полетов на луну и вокруг нее, мыслимо ли говорить о ее несостоятельности?

Дело в том, что Каррелл вовсе не осуждает технических успехов. Их он вполне признает. Но он говорит о странном неравенстве между наукой, изучающей безжизненную материю и наукой о человеке.

Чтобы понять эту мысль, перенесемся лет на шестьдесят назад, и сравним жизнь того времени с жизнью XIX-го, XVIII или даже XVII ст. Разница между той и другой была очень незначительна. Как одни, так и другие жили близко к природе. Мой отец родился на 35 лет ранее меня, но его жизненные условия ничем не отличались от тех, при которых родился я. А ведь мне, родившемуся тогда, когда не было ни автомобилей, ни аэропланов, ни подводных лодок, ни даже трамваев, пришлось управлять автомобилями, и летать на самолетах и быть офицером подводного плавания. И если теперь по возрасту я не годюсь для того, чтобы тренироваться для полета на марс, то во всяком случае, разница между тем, что было при моем рождении и что есть сегодня, бесконечно больше, нежели ничтожная разница между условиями жизни при императоре Петре Первом и при императоре Александре III. Мы, так сказать, перескочили от дрожек к стратосфере и даже много дальше.

И, тем не менее, возникает вопрос: по верно-му ли жизненному пути повели нас те политические „возжди“, о неспособности которых так сетует Каррелл? Все эти технические новшества, прогресс и усовершенствования, кинематограф, радио, телевидение, разложение атома, ракетные снаряды, — какой толчек дали они человеческой культуре? Стали ли люди от этого умнее, честнее, сердечнее, короче говоря, человечнее, чем были раньше? Пусть на это послужат ответом следующие факты: гнусное убийство государя императора, его семьи, ряда членов императорской фамилии, короля Александра Югославского, приглашенного французским правительством и убитого во Франции, советские концентрационные лагеря в которых погибли миллионы невинных людей, коллективизация, убийство сотен польских офицеров в Катыне, немецкие кацеты, Нюрнбергский суд, выдача союзниками адмирала Колчака в Сибири и казаков в Лиенце... Я перечисляю то-

лько наиболее крупные факты. А существование в ряде стран, и в первую очередь в США банд преступников, не только взрослых, но 10, 12, 14-ти летних детей, — разве это не очевидное, не убедительнейшее доказательство того, что никакие Атиллы, Мамаи, Чингиз-ханы не были столь ужасными для человечества бедствиями, как вот такие „руководители“, при которых непрерывное увеличение состава полиции не в состоянии ликвидировать все эти шайки в так называемом свободном мире, ни этот самый „свободный мир“ не в силах уничтожить ту шайку, которая вот уже сорок пять лет истязает русский народ.

Я обращаюсь к нашему юношеству, так как ему придется вести борьбу с моральным разложением, а кое-кому, быть может, выпадет тяжелая обязанность руководить и направлять на правильный путь не только своих детей и друзей, но и целый народ, если они выдвигутся на руководящие роли. Пусть наше юношество поймет, что его священный долг — использовать пребывание в свободном мире и, вопреки ненормальной системе воспитания, личным трудом, образованием кружков о которых я говорил в первой статье и самообразованием, выйти из числа тех юношей, о которых известный американский психиатр говорит:

„В отношении морального и эмоционального воспитания современного юношества, его так ублажают, что оно больше не похоже на своих отцов. Современное юношество обладает малой долей сочувствия и такта по отношению к другим.“

Правдивость, являющаяся столь характерным свойством молодежи, начинает исчезать.

Молодежь думает, будто ложь не предосудительна, если она и будет обнаружена.

Она думает, что ей должно быть позволено все то, что ей заблагорассудится, без каких бы то ни было общественных ограничений.

У многих юношей развивается комплекс „Санта Клаус“, то есть, они думают, будто можно получить любую вещь, стоит лишь пожелать и потребовать ее.

Огорчения и душевные расстройства никогда не проявляются у занятых людей. Становится поэтому очевидным, что философия крайней снисходительности, применяемая как метод воспитания, уведет нас очень далеко, но по очень дурному пути“.

Эти слова американского психиатра приводятся в предисловии к своей книге „Que es la Vida“ („Что такое жизнь“) недавно скончавшийся наш даровитый ученый Никулин, про-

фессор университета в Венецуэле, автор трудов: „Мир — человек — бессмертие” и „Религия и наука”.

Конечно, юношество наше не в силах изменить в чужой стране такую нездоровую систему воспитания, которую Ф. Е. Никулин осуждает следующими словами:

„Самодисциплина и выковывание в себе твердой воли, вытеснены воспитателями, при помощи метода, позволяющего воспитанникам делать то, что им угодно, или некоторого видоизменения „непротивления злу”.

Этот метод, кажущийся научным, именуется „развитием личности”, не задаваясь вопросом, о какой личности идет дело, потому что подлинная личность развивается совершенно иначе.

Вот так и образовывается комплекс, который мы бы назвали комплексом „делай, что хочешь”.

Пусть та молодежь, которая прочтет эти строки, поймет, что для собственного своего блага, для блага своего будущего потомства, она должна, вопреки существующей нездоровой системе воспитания, идти путем как раз того что в ней отсутствует, путем самовоспитания выработать в себе абсолютно необходимую самодисциплину и выковать твердую волю.

Е. Шильдкнехт

Если кто либо из молодежи заинтересуется мыслями, которые я излагаю в этих статьях и захочет спросить меня о чем либо или высказать свои соображения, всегда буду рад на них ответить.

Мой адрес:

E. Schildknecht
Patronato 446
Santiago, Chile

Латиняне не только раскольники, но и еретики. Но об этом молчит наша Церковь по той причине, что они — многочисленны.

Св. Марк Ефесский

(Из книги „Святой Марк Ефесский и Флорентийская Уния” Архимандрита Амвросия).

Во времена византийского императора Мануила II, когда император склонялся константинопольского патриарха подчиниться Риму ради интересов государства, тот ответил, что предпочитает, если необходимо, быть под сарацанами, нежели подчиниться Риму, ибо подчинение сарацанам будет только внешним, в то время как подчинение Риму, как он сказал, „означает потерю Бога”.

Из книги „Святой Марк Ефесский и Флорентийская уния”, стр. 12.

С. С. Бехтеев

РУСЬ ЗОВЕТ!

Она зовёт, зовёт нас снова
В свои поля, в свои леса,
Суля уют родного крова,
Суля родные небеса.

Она зовёт неумолкая
Нас песней радостной весны,
неугомонным шумом гая
И страстным шопотом волны.

И той звездой, что блещет ярко,
Мерца в небе голубом,
И тем лучем, что в полдень жарко
Целует нас своим огнем.

И шепчет нам земля родная:
Ко мне, любимые сыны!
Прошла на век пора лихая,
Довольно бедствий и войны!

Довольно горя и лишений,
Довольно бурь, довольно грез,
Довольно скорби и мучений
И бесконечных русских слез.

Прошла пора борьбы и мщенья,
Искуplen муками позор.
Пусть в светлый праздник воскресенья
Забудут братья свой раздор.

Пусть над воскресшею Москвою,
Под сводом радостных небес,
Промчится радостной молвою
Священный клик: „Христос Воскрес!”

Ты еси Петр, и на сем камени соиджу церковь Мою, и врата ада не одолеют ей (Матф. XVI, 18). На сем камени. Не сказал: на Петре, потому что Он создал Свою Церковь не на человеке, но на вере. Что же это была за вера? Ты еси Христос, Сын Бога Живого (Матф. XIV, 16).

Беседа: „На Вознесение Господа нашего Иисуса Христа. Слово пятое”.

И. Златоуст

Из письма „К теще Феодоту”

ПОМОГИТЕ „СВОБОДНОМУ СЛОВУ”

СОЗДАТЬ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

...Получил ваши журналы. Какое впечатление произвели они на меня, можете судить по прилагаемым стихотворениям. Конечно, удивительное — не только в наше темное время, но и во всех истекших веках, — явление моих братьев карпатских русских — я знал; но одно дело — знать, совсем другое дело — встретиться. Я чрезвычайно рад этой встрече. Главную часть моей жизни, 35 лет, я провел в Китае; т. е. в кругу белой и розовой эмиграции. Об остальном мы могли только читать, что пишут другие. Сейчас я услышал подлинные русские голоса, не отравленные бесовским наводнением. Это — чрезвычайное явление, ибо три четверти из нас, так называемых русских, потеряло те качества, кои определяют русского человека. Обо всем этом я писал когда-то в обширной статье „Жизнь нации”. Выходит, что за отрогами Карпат, в самой гуще запада и под постоянным гнетом запада, русские люди сохранились от запада лучше, чем мы в России... Даже голоса ваших оппонентов звучат подчас чище и правдивее, чем можно услышать на наших единомышленных собраниях. Словно чей-то могучей рукой поднят из под посторонних наслоений крепкий и чистый материк. Невыносимо мучительно думать о том, что этот материк, там, за Карпатами, загаженный сейчас теми же бесами. Будем верить, что Господь не без милости, а русский народ не потерял окончательно свою историческую крепость...

П. Е. Панин

С В Е Т О Ч

Черным дням на изумленье
Рвется к небу чист и свят
Чудный пламень, как виденье,
За грядой седых Карпат.
Был под дикими ветрами,
Угашался клеветой,
Злобой, темными бесами,
Их бесчестной суетой
На лесных, честных отрогах.
Но пред миром ни на час,
Ни в каких земных тревогах
Дивный пламень не погас.
В час сомнений, в час тревоги
Бродят стаи черных дум,
И ни свету, ни дороги
Не находит хладный ум.
Тугой очи клонит долу,
Блекнет вера, гаснет свет;
Взору нищу, хмуру, голу
Мнится: дальше жизни нет!

Но не вечна же морока.
На путях, покрытых тьмой,
Вдруг засветит издалека
Пламень чистый и живой.
Значит — есть на свете сила,
Чей-то вещий, добрый знак,
Чтобы Русь и дальше жила!
Твердо верим: будет так.
Нет, не даром свет плескался!
Есть надежна на миру:
Если ты в веках остался,
Я, — я тоже не умру!..
Милый брат! В веках глубоких
Чья-то низость не нова,
Не новы в устах жестоких
Богохульные слова.
Грех и Злоба изначально,
Воцарившись над землей,
Торжествует беспечно.
Этот грех — отчасти мой.
Но не никни головою.
Я клянусь, мой милый брат,
Что за мерзость пред тобою —
Нет! — не так я виноват!
Темной злобой обуяны,
В унижительном бою
Бесы чужды, грязны, пьяны
Скрали Родину мою!
С той поры завет священный,
Подвиг трудный и святой,
Оборвался, отреченный.
Сгиб очаг, — и мой и твой.
Только слышишь: издалека,
Будто в пропасти времен,
Чуть несется голос Рока,
Два призыва, — стон и звон.
Стон отрывист и безволен,
То ли просьба, то ли вой;
Звон — с убогих колоколен,
Ясный, чистый и простой.
В них услышать можно много:
Шаг судьбы и сердца зов.
Это — символы былого,
Это — день, грядущ и нов.
Пусть мятелится дорога,
Нас мятелям не разнять:
В одного мы верим Бога,
Нас одна родила Мать.
Позабудем все примеры.
Над вершинами Карпат,
На путях любви и веры —
Дай мне руку, милый брат!

7. 3. 63.

П. Панин.

**РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК!
СУДЬБА „СВОБОДНОГО СЛОВА”
В ТВОИХ РУКАХ**

МИЛОСТЬ БОЖИЯ БУДИ С НАМИ!

Получил последний номер „Свободного Слова“. Ах, как тяжело мне видеть клише Храма Христа Спасителя — нашу красоту, православное величие. Ведь подобного храма нет и не было в мире! Простите меня за мое долгое молчание. Ваше доброе письмо было мною получено. Не отвечал я вам потому, что нездоров я почти целый год. Да и годы мои не малые: мне 74 и 6 месяцев. Да и жизнь то стала многоскорбной. Осень и зима у нас были страшно бурными, холодными, а теперь, уже третий день мая, стоит хорошая погода. Птицы с теплых краев явились тоже позднее. В эти три дня я видел и бабочек, русских бабочек, таких же, каких видел в России. И это одно обрадовало меня.

Не весело у нас, в Аляске. Пьянствуют туземцы и безобразят. Конечно, не лучше и в Штатах. Не отстают от них и наши русские люди. Вижу из газет, что пляшут и в праздники, дни Божии. Слышу я и то, что уже не служат и всенощной, любимого богослужения русского народа. Я всегда с любовью вспоминаю свои детские и юношеские годы. Бывало в осенние и зимние вечера, после всенощной, идешь по улице и видишь в домах верующих людей в каждой комнате горят пред образами цветные лампы. Да и всюду тишина — тихая ночь, святая ночь! И путешествуя по городам России, я всюду видел то же самое: под праздники люди, миллионы их, не тешили сатану до белой зари.

Статья профессора Волгина о храме Христа Спасителя в Москве — трогательная, прекрасная.

Да, в молитвах наших сила и залог избавления от темного засилья, залог восстановления Святой Руси. Но мы раздроблены на партии, нет среди нас единения, святого союза, какой должен бы быть у христиан. Нет мира и в Церкви Христовой, среди ЕЕ архипастырей, пастырей и иноков. В России сидит на престоле сатана — Никита Хрущев, безбожник, который хвалится тем, что они, коммунисты, уничтожат Бога, сокрушат все храмы, все монастыри. Но мы, живущие на свободе, все наши православные епископы, и пресвитеры, иноки, верующие миряне могли бы все работать воедино, как одна армия Христова. Помню, один святитель сказал такое в своей замечательной проповеди: „Плохая та армия, в которой каждый солдат делает по своему: ее всегда легко побеждают враги...“ Да, это — истина!

Патриарх Тихон когда услышал, что миллионы русских-православных людей разбрелись по всему миру, оградил себя крестом и произнес: „Ну, и слава Богу, теперь святое православие будет проповедано по всему миру!“

И не будь этого печального разделения, наше православие процветало бы во всех странах, куда попали православные русские люди. Церковный раскол и ускорил смерть некоторых наших светочей православия, великих наших святителей, молитвенников, постников, бесребренников. О, как такое грустно, больно переживать! Какое страшное время мы переживаем! Но ужасно то, что люди не смиряются, не каются, не молятся Богу, так, как молились наши предки. Старые люди рассказывают, что во время Отечественной войны, в 1812 году, в городе Алексине был небольшой каменный храм — Успенский Собор. В этом храме пол был из белого камня. Настоятелем там был о. протопоп Иван, муж праведной жизни, проповедник. В этом соборе очень часто собирались люди на молитву в скорбные годы Отечественной войны.

Отец протоиерей Иоанн произносил молитву не читая по книге, а говорил то, что внушал ему Бог. Он умолял Господа Бога о прощении грехов всего русского народа, умолял спасти Святую Русь от злых варваров. И сам батюшка и вся его паства стояли на коленях, рыдали. И когда все вставали, то весь каменный пол был мокрым от слез. Да, вот что нужно для Бога, чтобы Он помиловал бы нас грешных. Но, увы, этого то и нет среди нас. В Сан Франциско идет смута вокруг построения храма Божия. Господи, как такое то прискорбно! И это там, где 33 года работал святитель праведник и где паства по большей части состоит из интеллигенции, образованных людей. Меня такое очень печалит. Я так часто не могу спать по ночам. Да и годы мои преклонные, здоровье плохое. Как теперь я часто вспоминаю об Афанасии, о его пустынных местах, куда бы я хотел скрыться хотя бы в свои последние дни жизни. Но и туда для нас, русских, теперь закрыта дорога. Ведь туда не пропустили даже наших архиереев. И невольно подумаешь: как Господь может принять от нас молитву, когда у нас столько злобы, зависти в душе!

„Христос Воскрес“ поют во храме.

Но грустно мне... Душа молчит.

Мир полон кровью и слезами

И этот гимн пред алтарями

Так оскорбительно звучит.

Когда б Он был меж нами и видел

Чего достиг наш славный век,

Как брата брат возненавидел,

Как опозорен человек.

И если б здесь, в блестящем храме,

„Христос Воскрес“ Он услышал,

Какими б горькими слезами

Перед толпой Он зарыдал!

(Аляска)

архимандрит Герасим

“НАША СТРАНА” — РУПОР ПРОПАГАНДЫ ПАПИЗМА

Большое удивление вызвал у многих русских православных людей ряд статей о Втором ватиканском соборе, помещенных в „Нашей Стране” — монархическом органе, выходящем в Буэнос Айресе (Аргентина).

Очень странно, что во всем мире из всех русских газет и журналов только „Наша Страна” имела своего представителя в Риме на Ватиканском соборе. Фамилии корреспондента „Нашей Страны” в Ватикане мы не знаем, ибо он подписывался — Александра Г. Она чувствует себя в седьмом небе от всего того, что она видела и слышала на соборе и ее статьи таковы, что под ними с радостью мог бы подписаться самый настоящий римский иезуит, желающий совратить в католичество православных русских людей.

Подробнее о пропаганде римского католичества в „Нашей Стране”, мы будем писать в следующем номере, а теперь укажем только на размеры этой коварной пропаганды латинства в связи с Собором в Риме.

В номере 666 беззащитной римокатолической пропаганде Александры Г. „Наша Страна” предоставила больше чем одну целую страницу со снимком посередине, изображающим наблюдателей „Церкви Архиерейского Синода”, т. е., Заграничной Русской Православной Церкви на втором ватиканском соборе.

Номер со второй статьей, восхваляющей до небес латинство, „святого отца” и „святых” кардиналов, организующих армии ксензов восточного обряда из бывших русских, торгующих своей совестью и вероисповедными убеждениями, — мы, к сожалению, потеряли.

Третья восторженная статья в „Нашей Стране” (номер 670) Александры Г. „О втором Ватиканском Соборе” заняла полных... две страницы (первую и вторую). Кроме того в этом номере четыре снимка из собора.

Четвертая статья-хвалебный гимн папизму Александры Г. в „Нашей Стране” (н. 672) занимает целую страницу.

Пятая статья пропаганды католицизма помещена в 674 номере „Нашей Страны” и заняла целую страницу с двумя большими снимками из Собора.

Шестая статья, в которой корреспондент „Нашей Страны” не может нахвалиться папизмом, помещена в 684 номере „Нашей Страны”. В этом же номере помещен снимок, на котором наблюдатель Заграничной Русской Православной Церкви произносит речь, а корреспондент „Нашей Страны” держит трубку перед оратором...

В то же самое время, когда „наблюдатели”

Русской Заграничной Православной Церкви находились в Ватикане, благословлялись „Святым Отцом” и пожимали ему руку (а может быть, целовали его в ногу? Ведь своим кардиналам папа подает не руку, а ногу), — в Нью Йорке заседал Архиерейский Собор Заграничной Русской Православной Церкви. И вот, о работе этого собора, который для нас, русских православных людей, имеет несравненно большее значение, чем „Второй Ватиканской Собор”, „Наша Страна” поместила только одну или две заметки.

А вот еще одна радостная весть для православных русских людей. В номере 643 от 22 мая 1962 года „Наша Страна” сообщает своим православным русским читателям следующее:

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ — КАВАЛЕР МАЛТИЙСКОГО ОРДЕНА

Его Императорское Высочество Государь Великий Князь Владимир Кириллович соизволил принять сан Бальи и Кавалера Большого Креста Чести и Благочестия Державного Военного Ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийского), поднесенный Ему, как Главе Российского Императорского Дома, Державным Советом Ордена.

(„Официальный Бюллетень” Великого Магистрства Державного Мальтийского Ордена, № 7, ноябрь 1961 г.).

От себя „Наша Страна” добавляет следующее „разъяснение”:

— ОТ РЕДАКЦИИ: помещая поступившее к нам с опозданием постановление Мальтийского Ордена, напоминаем читателям, что Государь Павел Петрович принял звание Гроссмейстера (Великого Магистра) Мальтийского Ордена, а Его Преемники носили Титул „Бальи Великого Креста Чести и Благочестия”. Последним носил это звание покойный Государь Император Николай Второй, а ныне звание присвоено Главе Императорского Дома. Таким образом Орден признал Государя Великого Князя Владимира Кирилловича Главой Российского Императорского Дома.

Радуйтесь и веселитесь русские православные люди, ликуйте, ибо претендент на Русский Православный престол вступил в римокатолический орден. „Наша Страна” замалчивает тот факт, что Мальтийский орден — это римокатолическая организация.

Верно ли утверждение редакции „Нашей Страны”, что начиная с императора Павла Первого, все русские государи были членами этого ордена?

В книге И. Г. Спасского „Иностранцы и русские ордена до 1917 года, издательства Государственного Эрмитажа, Ленинград 1963, находим следующее место:

„Преемник Павла I не пожелавший стать гроссмейстером, сперва провозгласил себя протектором (покровителем) ордена, но в 1803 г. сложил с себя и это звание; еще в 1801 г. из государственного герба был убран знак ордена. В 1811 г. орденский дом отошел в казну, а дела ликвидированных приоратов сданы в архив. Орден в России прекратил свое существование. Отказ Александра I от претензии на Малтийский орден — особой огласке не предавался. В западноевропейской литературе, относящейся к первым десятилетиям XIX в., нередко содержатся утверждения о том, что русские императоры и тогда оставались покровителями ордена”. (Стр. 30-31).

Кто прав: редакция „Нашей Страны или И. Г. Спасский?

Вот причина, по которой Павел I был избран гроссмейстером Малтийского ордена. Ор-

ганизации Малтийского ордена во Франции и Германии, где они имели большие владения, были ликвидированы как под влиянием французской революции, так еще и потому, что в Германии большинство народа было протестантское. Имущество ордена в этих странах было конфисковано. Единственная страна, в которой орден сохранил свое имущество, была Россия. В благодарность за это Павел I был избран гроссмейстером, но папа не признал Павла главою ордена.

Редакция „Нашей Страны” радуется, что „орден признал государя великого князя Владимира Кирилловича главою Российского императорского дома”. По нашему мнению, этому ничего радоваться, ибо право признавать кого-либо главою императорского дома находится в руках русского народа, а не римокатолических „ордынцев”. Итак, в следующем номере „Свободного Слова” разберем подробнее работу „Нашей Страны” по пропагандированию папизма.

РУСЬ

Эх, ты Русь седая,
Где родился я,
Ты мне мать родная,
Родина моя...

Русские просторы,
Без краев поля,
Лес, долины, горы,
Синие моря...

Из краев далеких
Сердцем к тебе рвусь,
В думах одиноких
Вижу всегда Русь...

Будто я с родными
За одним столом,
Чаши разливные
Полные вином...

Скоро все поправится,
Я забуду грусть....
И пою я здравицу
За Святую Русь...

Мария Славянская

Ищите, спасайте и храните русского человека!

Генерал Андрей Андреевич Власов

МОЛИТВА

Прости мне, Боже, прегрешенья
И дух мой темный обнови;
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.

Не страшны мне мои страданья,
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету;
Дай Магдалины жар священный;
Дай Иоанна чистоту;

Дай мне донести венец мой тленный,
Под игом тяжкого креста,
К ногам Спасителя Христа.

И. И. Козлов

Ленин сказал в 1920 году: Соединенные Штаты сами розорят себя до банкротства. Позднее он добавил: „Сперва мы захватим восточную Европу, затем Азию, — так мы окружим США. Мы не должны атаковать их — они сами падут, как перезрелый фрукт, в наши руки.

Мы знаем, что советское правительство в России — тираническая диктатура. Мы знаем, что оно не может рассчитывать на поддержку народа. Мы знаем, что оно опирается только на террор, проводимый тайной полицией.

U. S. senator William E. Jenner

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ ВТОРОЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР

...Читателям „Свободного Слова” вероятно известно, что большинство православных Церквей не было представлено на Ватиканском соборе: они не послали туда своих наблюдателей. Не послал ни вселенский патриарх, ни автокефальная греческая Церковь, ни румынская, ни сербская православные Церкви. Были там наблюдатели от Московско́й патриархии, которая, очевидно, послала своих наблюдателей по приказанию советской власти, ибо было известно, что она первоначально наотрез отказалась посылать представителей в Рим, невзирая на то, что Ватикан послал в Москву специального делегата с приглашением. Потом, в последний момент, Московская патриархия „перерешила” и послала своих наблюдателей...

...Заграничная Русская Православная Церковь, возглавляемая митрополитом Анастасием, тоже послала в Ватикан своих наблюдателей. Явились в Ватикан также представители так называемого Парижского экзархата. Поскольку нам известно, Заграничная Церковь решила послать своих наблюдателей в Ватикан потому, ибо она надеялась, что там не будет представлена Московская патриархия. Так, по крайней мере, мне было сказано одним из архиереев Заграничной Церкви.

Решение послать представителей в Ватикан было принято очень поспешно, до открытия Архиерейского собора. Собору иерархов пришлось просто примириться с совершившимся фактом. Посылались наблюдатели в Ватикан как бы тайком, ибо нигде об этом официально не сообщалось и многие из православных русских людей и до сих пор отказываются просто верить этому...

Как могло случиться, что наблюдатели нашей Церкви, для соблазна „малых сих”, принимали благословение от ересеначальника, называющего себя богохульно наместником Христа (см. „Н. Стр. н. 666), благословляли дела кардиналов, зная, что кардиналы возглавляют разные антихристианские предприятия: улюбочные унии, восточные обряды и т. п.?

Наша Церковь Православная Восточная по праву считает латинян раскольниками и еретиками. Так зачем же было посылать в Ватикан на „совет нечестивых” к „святому отцу” наблюдателей? Или, может быть, наши иерархи произвели „переоценку ценностей” и для них римские католики являются уже такими же христианами, как православные?...

От редакции: хотя тон этого письма довольно грубый, мы все таки поместили его, ибо знаем, что подавляющее большинство православных русских людей оценивают посылку наблюдателей в Ватикан так, как автор этого письма. В этом мы убедились в разговорах на эту тему со многими верующими православными русскими людьми.

...Против нас стоит общемировое чудовище, и нам остается надеяться только на нашу правду, на Господа Бога, да делать по-сильнее дело. Иногда слово правды бывает сильнее всяких миллионов. Сейчас обстановка такова, что это слово можно найти лишь в самых скромных, бедных, часто ротаторных листках, и это очень хорошо: правда редко уживается с богатством. Надо удивляться и радоваться, что в такое время находится так много лиц, на скудные свои гроши издающих то или иное „Слово”. Эти то лица и являются служителями правды.

Обратили ли вы внимание, какая гнусная свистопляска совершалась года два назад вокруг юбилейного номера „Нового Русского Слова”? Высокие лица платили юбиляру большие деньги за возможность поздравить редактора с этим юбилеем! Здесь ли можно отыскать правду?! Большого унижения православной русской эмиграции отыскать невозможно.

(Австралия).

П. Соколов

**

...Недавно, не знаю почему, получил книгу на „мове” — „Відвічні вороги України”, какого-то Сидора Запорожца.

Автор не плохо описывает борьбу за православную веру и клеймит католиков. С трудом понимаю „мову”, хотя я и киевлянин и потомок „есаула сотенного”. Книгу все же просмотрел, чтобы выяснить настроение автора. Но все стало ясным, когда я нашел место, где описывается „злочасний Переяславський договір”.

Шлю вам сердечный привет и пожелания успеха в Вашей работе во имя нашей дорогой родины России.

Б. Л. Орешкевич

**

Я не обязан выиграть, но я обязан быть справедливым. Я не обязан преуспевать, но обязан жить по идее. Я должен стоять рядом со всяким, кто прав, стоять с ним до тех пор, пока он прав и отойти от него, когда он неправ.

А. Линкольн

Книга игумена Амвросия (Коновалова)

ИСТИНА И АПОСТАСИЯ

Цена — 2,50 дол. Выписывать в редакции
„Свободного Слова” —

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА „СВОБОДНОЕ СЛОВО”

Примечание: Тем из читателей, кто не указал подробно, для какой цели посылает деньги, мы засчитали 3 доллара, как подписную плату, а остальную сумму — как пожертвование.

Подписная плата, само собою понятно, в списке пожертвований не отмечается.

Г. Биллингслей	дол.	
А. Я. Бирюк		5
Н. Г. Бобров		2
Тамара Вамслей		2
Проф. Волгин		6
Прот. Герасим (Аляска)		20
Свящ. Григорий Герасимов		5
А. П. Грега		7
Павел Гулявин		4
Виктор Эмисов		2
Свящ. К. Заневский		2
М. Запольский		2
Архимандрит Иосиф		6
Иосиф и Надежда Козловы		2
Прот. Кондратьев		4
В. А. Корабликов		2
Николай Крюков		12
М. А. Кугатов		2
Прот. Л. Ладинский		2
Елизавета Латышева		5
Михаил Магонев		85
Павел П. Маковой		3
М. И. Мальцев		1

др. Ю. П. Миролюбов	5
А. А. Низов	25
Ж. Очеретный	2
Марк Панков	2
Д. П. Процик	5
Прот. А. Самойлович	3
Степан Свигар	10
Василий А. Сенюк	5
Архиеп. Серафим	7
Константин Сквориков	3
Проф. В. Сорокина	2
Григорий А. Станиславский	5
Ф. Старовойтов	2
Д. Студенцов	7
Мария Ступницкая	13
А. Т.	60
М. Т.	60
Свящ. И. Федоренко	5
Фомин	5,50
Свящ. А. Цуглевич	9
Анна Чаговец	2
С. М. Шишковский	5
Прот. А. Шлепецкий	10
Алексей Юдичев	2
итого:	440,50

Редакция и инициативная группа приносят сердечную благодарность всем добрым русским людям за своевременную помощь.

ПРОЧТИТЕ — ЭТО ИНТЕРЕСНО

Сравните нижеследующее место из Священного Писания со словами кардинала Оттавиани, обращенными к папе.

И возвед Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени,

И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее;

Итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое.

Иисус сказал ему в ответ: стойди от Меня, сатана; написано: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи”.
(Лука 4. 5-8)

Кардинал Алфредо Оттавиани возложил корону на голову Павла Шестого (современного

папы) когда наступили сумерки и площадь озарилась многочисленными факелами.

— Примите эту тиару, — сказал Оттавиани, — составленную из трех корон и знайте, что вы — отец князей и королей, руководитель мира и наместник Спасителя (Под нами).

(„Новое Русское Слово” от 2 июня 1963 г.)

Сопоставьте нижеследующие места:

Потом влил воды в умывальницу, и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан.

(Иоанн 13, 5)

— Кардиналы по очереди приближались к папе и прикладывались к его туфле (целовали туфлю) и перстню...

(„Новое Рус. Сл.” от 2 июня 1963 г.)